

Лев Выготский о романе Андрея Белого «Петербург» (комментарии к рецензии)

В.С. Собкин

Институт управления образованием Российской академии образования, Москва, Россия

Т.А. Климова

Российский православный университет святого Иоанна Богослова, Москва, Россия

Поступила 23 марта 2019/ Принята к публикации: 6 апреля 2019

Lev Vygotsky about Andrei Bely's novel «Petersburg» (comments on the review)

Vladimir S. Sobkin*

Institute of Education Management of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia

Tatiana A. Klimova

Moscow Orthodox Institute of St. John the Divine, Moscow, Russia

* Corresponding author E-mail: sobkin@mail.ru

Received March 23, 2019 / Accepted for publication: April 6, 2019

Актуальность (контекст) тематики статьи. Настоящая публикация продолжает цикл работ, посвященных комментариям к статьям Л.С. Выготского в еженедельнике «Новый путь» (Собкин, Климова, 2016; Собкин, Климова, 2017; Собкин, Климова 2018). Настоящая статья, помимо рецензии Выготского на роман Андрея Белого «Петербург», содержит наши комментарии к ней. Рецензия представляет безусловный интерес как материал для понимания особенностей биографии крупнейшего психолога XX века.

Цель статьи. Обеспечить современному читателю смысловое понимание как текста рецензируемого романа, так и особого этапа личностного, национального и религиозного самоопределения выдающегося психолога XX века — Льва Семеновича Выготского.

Описание хода исследования. При работе над комментариями использовались традиционные историко-филологические методы анализа текстов и особые техники чтения, направленные на выявление скрытых и неявных цитирований, содержащихся в рецензии Л.С. Выготского. Мы постарались удерживать, как минимум, несколько ракурсов интерпретации. Один из них касается художественных особенностей романа, связанных со своеобразием эстетики символизма. Другой ракурс связан с религиозно-философской проблематикой, определяющей мировоззренческую позицию автора романа. Третий — касается широкого круга вопросов, связанных с проблематикой антисемитизма.

Результаты исследования. В комментариях мы стремились дать читателю возможность почувствовать остроту той политической ситуации, тех идеологических разногласий среди российской интеллигенции, в которой был создан роман и написана данная рецензия. Особое внимание мы попытались уделить содержательным моментам, касающимся фиксации ряда психологических феноменов (в первую очередь, сознания, смыслового понимания) и тех методологических принципов, которые в дальнейшем будут использованы Л.С. Выготским в его собственно психологических научных исследованиях.

Выводы. На наш взгляд, проведенный в статье анализ рецензии Л.С. Выготского будет способствовать уточнению своеобразия культурно-исторического подхода Выготского-психолога.

Ключевые слова: символизм, художественные особенности текста, антисемитизм, сионизм, сознание, самоопределение, Л.С. Выготский.

Background. The paper contains a revised text of Lev Vygotsky's review of Andrei Bely's novel "Petersburg". In addition to Vygotsky's review the paper presents the author's comment. The review is of particular importance for understanding the biography facts of Lev Vygotsky, the greatest psychologist of the twentieth century.

The Objective is to provide the modern reader with a semantic understanding of both the text of the peer-reviewed novel and a special stage of personal, national and religious self-determination of Lev Vygotsky, the outstanding psychologist of the twentieth century.

Design. When working on the comment, traditional historical and philological methods of text analysis and reading techniques were used to identify the hidden and implicit citations contained in Vygotsky's review from a number of interpretation angles. One of them concerns the artistic features of the novel associated with the distinctive aesthetics of symbolism. Another perspective is connected with the religious and philosophical issues that determine the ideological position of Andrei Bely. The third one concerns a wide range of issues related to anti-Semitism issues.

Results. We sought to give the reader an opportunity to feel the urgency of the political situation and ideology in the Russian intelligentsia of the period when the novel was created and the review was written. We tried to devote particular attention to the aspects of a psychological phenomena (e.g. consciousness, semantic understanding) and those methodological principles that Vygotsky would later use in his own psychological research.

Findings. The analysis of Vygotsky's review carried out in the paper will help clarify the authenticity of the cultural-historical approach of Vygotsky as psychologist.

Keywords: symbolism, artistic features of the text, Antisemitism, Zionism, consciousness, self-determination

Введение

Настоящая публикация продолжает цикл работ, посвященных комментариям к статьям Л.С. Выготского в еженедельнике «Новый путь» (Собкин, Климова, 2016; Собкин, Климова, 2017; Собкин, Климова 2018). Этот еженедельник был посвящен вопросам еврейской жизни. Выходил он на русском языке и издавался в Москве с января 1916 до октября 1917 года.

По своей ориентации еженедельник «Новый путь» являлся изданием левого направления, что и находило свое отражение в содержании публикуемых материалов, которые затрагивали как проблемы внутренней еврейской общественной жизни, так и общие вопросы культуры, экономики и политики. Здесь печатались известные юристы, деятели науки и культуры (О. Грузенберг, А. Эфрос, С. Лозинский, Ю. Айхенвальд, Л. Кацнельсон и др.)

Общую целевую ориентацию журнала, выходящего на русском языке, определяло стремление к взаимодействию еврейской и русской культур. Выготский работал в этом еженедельнике в качестве технического секретаря. Помимо секретарских обязанностей, Лев Семенович также активно публиковался на его страницах. За полтора года работы в журнале, как нам удалось установить, им было опубликовано 11 материалов разного жанра. Наряду с литературно-критическими статьями

(о творчестве Лермонтова, Белого, Гордона), переводом с древнееврейского (рассказ М. Бердичевского «Выкуп»), были опубликованы эссе о важных исторических событиях жизни еврейского народа в их сопоставлении с современными процессами, происходящими в России. Помимо этого, с марта по сентябрь 1917 года на страницах еженедельника выходит ряд его публикаций (репортажи, информационные заметки), которые являются непосредственным откликом на политические события, связанные с февральской революцией.

Настоящая статья, помимо рецензии Выготского на роман Андрея Белого «Петербург», содержит наши комментарии к ней. Следует подчеркнуть, что этот роман является выдающимся произведением Серебряного века. Так, например, В. Набоков ставил его в один ряд с такими романами, как «В поисках утраченного времени» Пруста, «Уллисом» Джойса и «Процессом» Кафки. Сходную оценку давали ему Б. Пастернак и другие крупные писатели. Уже при своем появлении роман вызвал огромный интерес. Ему были посвящены многочисленные рецензии (Н. Бердяев, Вяч. Иванов, Д. Мережковский, В. Ходасевич и др.). Интерес к роману сохранялся и в последующие годы. О нем писали Ю. Лотман, В. Топоров, Л. Долгополов. Мимо него не мог пройти практически ни один специалист, занимающийся

ся литературой Серебряного века. В ряду этих многочисленных работ стоит и малоизвестная рецензия на роман «Петербург» Л.С. Выготского.

В этой рецензии основной акцент сделан на такой, казалось бы, далеко не главной теме романа, как антисемитизм. С одной стороны, подобный ракурс рассмотрения вполне объясним общей направленностью еженедельника «Новый путь». С другой, – данная тема была отнюдь не случайной для Выготского. Здесь можно выделить два момента. Во-первых, личностная значимость для него вопросов национального и религиозного самоопределения в тот период жизни. В этом отношении рецензия представляет безусловный интерес как материал для понимания особенностей биографии крупнейшего психолога XX века. Во-вторых, важно иметь в виду, что в это время Выготский, судя по материалам его личного архива, активно интересовался еврейской проблематикой и планировал написать книгу о «новоеврействе», где предполагалось рассмотрение широкого круга вопросов, касающихся истории, религии, современной общественной жизни и политики. Отражение этих проблем в значительной степени мы находим и в данной рецензии Выготского.

В своих комментариях к рецензии мы постарались удерживать, как минимум, несколько ракурсов интерпретации. Один из них касается художественных особенностей романа, связанных со своеобразием эстетики символизма, что проявляется на разных уровнях организации текста (сюжет, ритмические особенности, характеристики персонажей, внутренние диалоги, литературные заимствования). Другой ракурс связан с религиозно-философской проблематикой, определяющей мировоззренческую позицию автора романа. Третий, и он, пожалуй, основной, касается широкого круга вопросов, связанных с проблематикой антисемитизма. Здесь важно подчеркнуть, что, помимо государственного, этнического и бытового антисемитизма, Выготский выделяет такие его виды, как «лирический» и «мистический». Это в существенной степени уточняет представления об эмоциональных переживаниях (юдофобия) и ценностных основаниях религиозного антисемитизма. В комментариях мы также стремились

Владимир Самуилович Собкин –

доктор психологических наук, профессор,
руководитель Центра социологии образования
Института управления образования РАО
E-mail: sobkin@mail.ru
http://iuorao.ru/pg_cso/, https://istina.msu.ru/profile/Vladimir_Sobkin/

Татьяна Анатольевна Климова –

старший преподаватель кафедры общей и прикладной
психологии Российского Православного университета
святого Иоанна Богослова
E-mail: t-klim@list.ru
<https://psy-rpu.ru/about/people/klimova-tatyana-anatolevna>

Для цитирования: В.С. Собкин, Т.А. Климова Лев Выготский о романе Андрея Белого «Петербург» (комментарии к рецензии) // Национальный психологический журнал. – 2019. – № 2(34). – С. 64–87. doi: 10.11621/npj.2019.0211

For citation: Vladimir S. Sobkin, Tatiana A. Klimova (2019) Lev Vygotsky about Andrei Bely's novel «Petersburg» (comments on the review). National Psychological Journal, [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal] 12(2), 64–87. doi: 10.11621/npj.2019.0211

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
© Lomonosov Moscow State University, 2019
© Russian Psychological Society, 2019

дать читателю возможность почувствовать остроту той политической ситуации, тех идеологических разногласий среди российской интеллигенции, в которых был создан роман и написана данная рецензия. И, наконец, особое внимание мы попытались уделить содержательным моментам, касающимся фиксации ряда психологических феноменов (в первую очередь, сознания, смыслового понимания) и тех методологических принципов, которые в дальнейшем будут использованы Выготским в его собственно психологических научных исследованиях. На наш взгляд, это будет способствовать уточнению своеобразия культурно-исторического подхода Выготского-психолога.

Л.С. Выгодский. Рец. на кн.¹: Андрей Белый². «Петербург»³

Очень часто приходится слышать обвинение в том, что евреи склонны все решительно, даже не имеющее никакого отношения к этому «всемирному племени» (слова Достоевского)⁴, рассматривать сквозь призму еврейской проблемы. Точно все, что совершается в мире, вся мировая история, в ее великом и малом – все равно, имеет к ней непосредственное касательство. Еврею, в конце концов, кажется, что вокруг него вращается мир: немудрено, если себя он возмнил центром. Да и одному ли еврею? Не об этом ли кричат антисемиты всех веков и народов: мир вращается вокруг еврея? Не об этом ли говорит Вл. Соловьев, называя еврейство осью всемирной истории⁵? Разумеется, это не больше, как грубая ошибка, пожалуй, невежественное заблуждение; про это в любом сколько-нибудь «научном» курсе еврейской истории написано; всякий теперь знает, что зависимость здесь обратная, что еврейство вращается вокруг всемирной истории, что от Кира и Наполеона⁶ зависит оно, а не наоборот; что в каждой точке своего пути, в каждом шаге своего движения она подчинена, связана – и пр., и пр. Одним словом, повторяется история с землей и солнцем: сейчас даже в подготовительном классе – и там уже доподлинно известно, что не солнце вокруг земли, а земля вокруг солнца вращается, и что иной взгляд – ненаучное суеверие, невежество. Однако, если

этим примером воспользоваться и дальше, как бы мы не прониклись неоспоримой правильностью научных соображений, несомненная реальная данность нашего опыта осталась той же и после Коперника; и – пусть это только обман зрения – но обман необходимый, нераздельный, с самим существованием нашим, со всем мировосприятием. И жизнь наша продолжает протекать на основе ложных предпосылок – будто земля неподвижна и солнце вокруг нее вращается. Такова уж природа человеческого «я», так уж устроен человеческий глаз. Что всякое открытое место представляется взору замкнутым кругом, в центре которого – сам наблюдатель. Так же обстоит дело и в мире идейном вообще⁷, еврейском в частности, трудно, смотря на мир из глубины еврейского «я», не представлять себе, что крестовые походы и открытие Америки – спутники планеты еврейской истории.

Эти мысли казались нам нужным послать дальнейшим строкам, посвященным рассмотрению нового русского романа с еврейской точки зрения, – как бы в оправдание. Тему нового романа, ее пафос можно определить одним словом: Россия; но точно так же, как во всякой точке истории всемирной прощупывается история еврейская⁸, так и во всякой точке проблемы России есть выход в проблему еврейскую. Впрочем, если счесть недостаточными такие слишком общие соображения, можно привести и другое, имеющее помимо конкретности еще и то преимущество, что оно вводит нас в самое существо дела.

«Даже панегиристы романа г. А. Белого едва ли откажутся признать, что его антисемитизм получил в романе довольно пошлое выражение»⁹.

Это – из отзыва «Русских записок» (№ 7, июль 1916 г.). Авторитетное мнение русского журнала показывает, что новый роман имеет все основания стать предметом обсуждения с еврейской точки зрения, – что мы и намерены сделать в этих строках.

«Петербург» посвящен проблеме России, как и первый роман А. Белого¹⁰. Там выявлено было одно начало России, одна ее стихия, здесь противоположная¹¹. В этом смысле вполне справедливо замечание «Р. Зап»: «Роман г. А. Белого откровенно тенденциозен». Петербург для ав-

тора – символ нерусской России, чуждой ее естеству стихии, вторгшейся в ее историю, начало искусственное, рационалистическое, вскрываемое в правительстве и революции (1905 г.)¹² – порождения нерусского духа. И вот здесь, в проблеме нерусской России, – выход в еврейскую тему, которую роман затрагивает, правда, только мимоходом¹³. Даже больше: прямо затрагивается она очень отдаленным образом; но косвенно – в романе дан весьма и весьма значительный, показательный материал. Прежде всего – как не расценивать роман, – несомненно, что по заданию это есть произведение художественное, и идеи автора получили соответственное выражение в зависимости от самой избранной автором художественной формы¹⁴. Вот почему выражение это глубоко своеобразно.

Нерусский Петербург воплощается в образах символических, лишенных всякой жизненно-реалистической окраски, точно все эти призраки, не то существующие, не то кажущиеся в сомнительных туманах, породивших их; все здесь – даже самые зрительные образы – зыбко, неустойчиво, расплывчато, размывается туманом, колеблется, двоится, возникает и сейчас же вновь улетучивается¹⁵. Нет здесь поэтому определенных и еврейских образов; может быть, нет даже ни одного конкретного еврея, кроме эпизодических фигур; но есть еврейские черты, черточки, штрихи, которые то складываются в определенные образы, то рассыпаются, то вкрапленные оживают в массу совсем иных линий и черт. Весь роман – его наружная ткань – раскрывается в инородческом, в том, что есть нерусское в чертах, лицах, образах. Петербург назван в самом начале «не русским градом»; не русские по происхождению герои – отец и сын Аbbleуховы (его предки: Сим, мирза Аб-Лай, из киргиз-кайсацкой орды) – так вкрапляется черточка монгольского лица в образы, главнейшие в романе¹⁶; тоже с другим героем провокатором Липпанченко – «по происхождению он не русский, настоящая его фамилия Липенский – едва ли не жид», в него словами и намеками автора вкраплены черточки самые разные: монгола (во всех русских ведь течет монгольская кровь), хохла, малоросса – «этот хитрый хохол на хохла, кста-

ти сказать, и не походил вовсе: походил скорее на помесь семита с монголом»¹⁷, то вдруг он «грек из Одессы»; подозрительные Флейш¹⁸ и Нейнтельфайн¹⁹. А разбросанные всюду, на каждой почти странице черточки – восточные «хари» (татары, японцы) с «пакостым отпечатком и пакоством глазами», татарщина, монгольство, китайцы, монголы и семиты даже в галлюцинациях, в бреде – «черты этого лица по временам слагались в семита, чаще проступали в лице том монгольские черточки» (галлюцинация), даже инородческие боги, перс, армянин, папуасы, негры, черные орды, желтолицы, китайцы, молдаванин – и пр. и пр. – все это прямо внушает видимый какой-то образ инородческой, нерусской России. Нельзя, однако, думать, что это только средство художественного воплощения отвлеченной идеи.

Смысл раскрывается с достаточной прямолинейностью: он глубоко связан с самой сутью замысла. Идея «Петербурга» не новая: «С той чреватой поры, как примчался к невскому берегу металлический Всадник, с той чреватой днями поры, как он бросил коня на финляндский серый гранит – надвое разделилась Россия; надвое разделились и самые судьбы отечества; надвое разделилась, страдающая и плача, до последнего часа – Россия»²⁰. И вот эти два начала разведенной России – Петербург и Россия подлинная – глубоко враждебны, противоположны друг другу. Петербург – и то, что автор этим словом обозначает, – начало гибели, «водных хаосов», небытия. Поэтому пророчествует поэт об исчезновении Петра... Здесь соприкасается тема с проблемой Востока, панмонголизма, в которой автор идет вслед за Вл. Соловьевым, почувствовавшим «предвестие великой судьбины Божией»²¹. Здесь и антисемитизм.

Петербург называет «один восточный человек» в романе своим городом. Так, в сцене митинга перекликаются два еврея²²: «... Какой-то весьма почтенный еврей в барашковой шапке, в очках, с сильной проседью: обернувшись назад, в совершеннейшем ужасе он тянул за полу свое собственное пальто; и не вытянул; и не вытянув, раскричался: «Караша публикум; не публикум, а свинство рхусское! ..» – «Ну и што же ви в наша Рхассия?» – раздалось откуда-то снизу. – Это еврей бундист-со-

циалист перекликался с евреем не бундистом, но социалистом»²³. – Вот эта «наша Рхассия», Россия нерусская, инородческая, «жидовская» и воплощена в романе²⁴.

Трудно даже сказать определенно, указать точно, в чем именно выразился антисемитизм автора. Есть, правда, и в новом романе – не избег их автор – многие черты старого почти анекдотически-реалистического зарисовывания. Здесь и бегло очерченная карикатура мелкого подлеца, газетного сотрудника Нейнтельфайна, как-то причастного к провокации; есть и обычное в русской литературе словупотребление – «жиды», сливающееся почти без остатка с манерой разговора эпизодического редактора консервативной газеты, представителя – правда, карикатурного – политически-бытового антисемитизма²⁵; есть и традиционные литературные слияния еврея и предателя. В этой части своей роман, глубоко новый во всех отношениях, примыкает к многим старым традициям; недаром главы романа, такие вычурно-изысканные, украшены эпитафиями из Пушкина²⁶. Нетрудно уловить в семитических чертах провокатора отзвук длинной вереницы евреев-предателей – Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевского, Тургенева, – и многих других²⁷. И, разумеется, поскольку эта сторона подлежит суду художественному, в ней сказались все та же беспомощность в подходе к этому предмету изображения, которая так характерна для всех названных писателей. Взять хотя бы приведенный выше эпизод из описания митинга, имеющий не только описательно-бытовое, но и символическое значение: «караша публикум» – да ведь тут необходимо приписать «еврей» – иначе вы портрета не узнаете.

Но этот непосредственный антисемитизм не только не исчерпывает интересующего нас вопроса, но едва только покрывает его меньшую и наименее интересную сторону.

Проникающая весь роман «русская идея» заключает в себе неуловимый, как бы «лирический» антисемитизм²⁸, который чувствуется чуть не за каждым словом. Некая инородная сущность, вышедшая в обиталище духа, «в тело» (говоря словами А. Белого) России недаром наделена чертами семитическими. Недаром галлюцинация, овладевшая большим

духом героя, рисовала ему лицо семита. Недаром в бреде другому герою представляется «перевоплощение инородцев в плоть и кровь столбового дворянства Рос<ийской> Империи» с целью, с «миссией» – «расшатать все устои», все предать пламени и уничтожению, привести к гибели. И недаром в этом не знающем определенных и обыкновенных чувств и движений романе мимоходом останавливается автор с реалистически-психологической точностью бытописателя на том унижении «национального чувства», которое испытывает герой, слыша разговор Флейш о России.

В цитированном уже нами отзыве «Р. Зап» А. Белому вменяются в вину его «социально-политические пристрастия», сказавшиеся в определенном изображении революции и правительства; едва ли «соц.-полит. пристрастием» он исчерпывается; поэтому едва ли до конца справедливо замечание о «пошлости» его выражения, м.б., и присущей некоторым местам романа. Антисемитизм А. Белого гораздо больше и глубже «соц.-полит. пристрастия». Здесь, думается нам, получило свое художественное выражение (оценка выходит за пределы этой темы) то характерное и глубоко знаменательное умонастроение «мистического антисемитизма»³⁰, которое очень показательно для переживаемого времени и все более и более охватывает круги «кающихся интеллигентов»³¹. В умонастроениях русской интеллигенции в евр. вопросе довольно определенно намечается известный сдвиг. После бурно пережитой весны «братства народов», – «без различия» сменившийся вековой антисемитизм, пропитавший собой и мысль и чувство общества и окаменевший в неподвижную традицию, – наступила пора теоретических углублений. Элементарные истины известны всем, хорошо усвоены, но сфера их приложения намеренно ограничена областью практического применения, социально-политического строительства. История сложнее отвлеченных элементарных норм; и в роковом узле, которым трагически связаны судьбы России и еврейства, почувствовалась глубокая антиномичность³². Вл. Соловьев видел особый, мистический смысл в этом узле истории³³. Новые представители и носители идеи России тоже

мистически (потому что рационально необъяснимо) чувствуют этот смысл, но уже совершенно иначе. Воскресает все более и более идейное наследие Достоевского³⁴ – тот антисемитизм, который устанавливает исконную, предопределенную, фатальную некую враждебность «идеи жидовской» с идеями России, гибельность ее для России. Здесь антисемитизм получает свое обоснование и в конечном счете упирается в необъяснимые чувства мистического смысла истории. Несколько лет тому назад Н. Бердяев провозгласил принцип религиозного антисемитизма³⁵, противления духу Израиля, осудивши антисемитизм политический, расовый, бытовой и пр. с точки зрения христианского сознания. И даже в «Изите»³⁶, до конца защищающем позицию элементарной справедливости, нет-нет да и проскальзывают отдельные черточки этого настроения (напр., Мережковский говорит о глубоких отталкиваниях, которые существуют между еврейством

и христианством, но говорить о которых нельзя, потому что это значило бы вводить как бы духовную черту оседлости³⁷. Уничтожьте сперва политическую, говоря о нем, а уж потом установим духовную).

Антисемитизм в конечном счете далеко не просто объяснимая вещь. Это один из самых загадочных спутников еврейской истории. Просто – более или менее – объяснимы отдельные исторические формы антисемитизма, но сущность его, его некоторая универсальность, точно указывающая на его неизменную связь с самым бытием еврейства, с существом его исторической идеи, – глубоко необъяснимы. Антисемиты всегда чувствовали вслед за Достоевским «жидовскую идею», которая движет и влечет нечто такое мировое и глубокое, о чем человечество еще, может быть, не в силах произнести свое последнее слово³⁸. Антисемитизм есть, конечно, глубоко искаженное, неверное, но удивительное и непонятное отражение тайны Израиля. Еврейская история режет миро-

вую на слишком большой глубине, и антисемитизм не есть пена на поверхности течения, но внутренние, глубинные и сокровенные от глаза колебания и струения бездн. Ведь антисемитизм – вечный спутник вечного народа, и уже одна его вечность заставляет рассматривать его как отражение *sub specie aeternitatis*³⁹ тайны вечности еврейского народа.

Новый роман А. Белого дает художественное выражение (с уклоном от Достоевского к Гоголю) этому чувству, этому умунастроению; сквозь зыбкую ткань видимой действительности и нормального дневного сознания просвечивает иная действительность⁴⁰, где все становится «то, да не то» (говоря словами романа), где обнажаются темные корни истории, – и там в этой иной действительности прорезываются и отпечатываются семитические черты, которые в болезненном бреде, в галлюцинации складываются авторским сознанием в роковые знаки гибели.

Комментарии

1. Рец. на кн. – рецензия Л.С. Выготского на книгу Андрея Белого «Петербург» подписана «Л.С. Выгодский» и опубликована в журнале «Новый путь» (1916, № 47 от 11 декабря, стб. 27–32). В том же году в сокращенном и переработанном варианте опубликована в журнале «Летопись» (1916, № 12, стб. 327–328, за подписью «Л.С.»). Обе рецензии указаны в «Библиографии трудов Льва Семеновича Выготского» (Выгодская, Лифанова, 1996, С. 391). Рецензия из журнала «Новый путь» перепечатана в журнале «Панорама Израиля» (№ 258 от 16 мая 1989 года; подготовка публикации А. Козулина), а также в разделе «Ранние статьи Л.С. Выготского» в книге «Л.С. Выготский: начало пути: воспоминания С.Ф. Добкина о Льве Выготском» (Иерусалим, 1996) и в последующих переизданиях этой книги (Добкин, Выготский, Фейгенберг, 2000).

Среди современных работ, где упоминается данная рецензия Выготского, выделим публикации: Безродный М. «О «юбодязни» Андрея Белого» (Безродный, 1997, С. 100–125); Котик-Фридгут В. «Зерна, которые прорастают: обзор ранних журналистских работ Л.С. Выготского (1916–1923)» (Котик-Фридгут, 2011, С. 177–187); Эткинд А. «Содом и Психея: очерки интеллектуальной истории Серебряного века» (Эткинд, 1996). В перечисленных работах при анализе рецензии обращается специальное внимание на значимость еврейской проблематики для Выготского в юношеский период его жизни.

2. Андрей Белый – псевдоним писателя, поэта, мемуариста, теоретика искусства, литературного критика, стиховеда, публициста Бориса Николаевича Бугаева (1880–1934), одного из ведущих деятелей русского символизма и модернизма.

Активное участие Белого в литературной и общественной жизни России начинается с 1900-х годов. Он сотрудничает с журналом «Весь» (1904), печатается в журналах «Мир искусства» (1902, 1904), «30-

летнее руно» (1906–1909), в 1909 становится одним из сооснователей издательства «Мусагет», редактирует журнал «Труды и дни» (1912). Первый сборник стихов «Золото лазури» издан в 1904 году. Затем выходят романы: «Серебряный голубь» (1909), «Петербург» (1913–1914), «Котик Летаев» (1914–1915). После революции выходят его романы: «Крещеный китаец» (1921), «Москва» (1926), «Маски» (1932). Особое место в творчестве Белого занимают его публицистические статьи, переписка с деятелями культуры, а также воспоминания биографического характера: «Штемелеванная культура» (1909), «Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности» (1917), «Воспоминания о Блоке» (1922–1923), мемуарная трилогия: «На рубеже двух столетий» (1930), «Начало века» (1933), «Между двух революций» (1934).

Большой вклад в науку внесли его литературоведческие работы. Андрей Белый положил начало исследованиям в области стиховедения, уделяя особое внимание структурному анализу метра, ритма, мелодики и звукового состава поэтической речи («Ритм как диалектика и "Медный всадник", 1929). Важно отметить, что его работы строятся на основе философско-психологических представлений, где принципиальное значение приобретает понятие интонации, выразительности речевого ритмического жеста в художественном тексте («Мастерство Гоголя», 1934). Следует отметить, что идеи Белого о звуковом составе слова, соотношении метра и ритма имели важное значение для Выготского при написании им его работы «Психология искусства», где они интерпретировались в связи с проблематикой переживания и порождения смысла (Выготский, 1987).

В самом начале своей литературной деятельности Андрей Белый сблизился с символистами более старшего поколения (В. Брюсов, Д. Мережковский, З. Гиппиус) и до конца жизни причислял себя к этому направлению, являясь одной из центральных фигур поколения «младосимволистов» (А. Блок, Вяч. Иванов, С. Со-

ловьев, Ю. Балтрушайтис, Л. Кобылинский-Эллис, И. Анненский, М. Волошин и др.). Явное влияние на Белого оказали идеи Вл. Соловьева, считавшего высшей задачей искусства «создание вселенского духовного организма», что, в свою очередь, связано с пониманием роли поэта как священнослужителя. В этом и заключено, по мнению Белого, «соединение вершин символизма как искусства с мистикой» (Белый, 1994). Особое внимание Белый уделял изучению идеологических, психологических и лингвистических аспектов, лежащих в основе символизма, как особого направления в искусстве и культуре, делая акцент на трех моментах, определяющих своеобразие символизма: 1) символ всегда отражает действительность; 2) символ есть образ, видоизмененный переживанием; 3) форма художественного образа неотделима от содержания («Символизм», 1909). Заметим, что эти положения были крайне важны и для Выготского при его подготовке работ по психологии искусства.

Личная жизнь Белого полна драматизма: здесь и сложные отношения с Ниной Петровской, и трагический роман с женой Александра Блока Любовью Дмитриевной Менделеевой, и разрыв с женой Асей Тургеновой (Ходасевич, 1991).

В психологическом отношении Андрей Белый воспринимается как фигура крайне сложная и неоднозначная. Так, например, его интерес к хлыстовству и увлечение антропософией Рудольфа Штейнера не ограничиваются просто теоретическими изысканиями, а отражают стремление пережить своеобразие этих мировоззренческих взглядов либо превращая их в практику своей жизни (участие в строительстве задуманного Штейнером Гетеанума в Швейцарии), либо путем их отображения в процессе художественного творчества («Серебряный голубь», «Петербург»).

Современники отмечали особое обостренное реагирование Белого как на личные жизненные ситуации, так и на общественные события. При этом сознание его часто менялось, и мышление его напоминало «упражнение на летящих трапециях, под куполом его одинокого Я, и в этом он был удивительно трогателен. В Белом была пляска и корча какого-то обнаженного существа» (Степун, 1962, С. 162-175). Об этом же в своих воспоминаниях о Белом писала и Марина Цветаева: «... его фокстрот – чистойшее хлыстовство: даже не свистопляска, а (мое слово) христопляска» (Цветаева, 2019, С. 221). Та же черта отмечается и М. Волошиным, который называл его «бесноватым». Об этом же писал и В. Ходасевич: «То было, конечно, символическое поправление личного в самом себе, кошунство над собой, дьявольская гримаса себе самому» (Ходасевич, 1997, С. 60).

В завершение приведем два высказывания современников Андрея Белого. Оба связаны с его смертью. Одно – это выдержка из опубликованного 9 января 1934 года некролога в газете «Известия», подписанного Б.Л. Пастернаком, Б.А. Пильняком, Г.А. Санниковым: «Творчество Андрея Белого – не только гениальный вклад как в русскую, так и в мировую литературу, он – создатель громадной литературной школы. Переключаясь с Марселем Прустом в мастерстве воссоздания мира первоначальных ощущений, А. Белый делал это полнее и совершеннее. Джемс Джойс для современной европейской литературы является вершиной мастерства. Надо помнить, что Джемс Джойс – ученик Андрея Белого. Придя в русскую литературу младшим представителем школы символистов, Белый создал больше, чем все старшее поколение этой школы, – Брюсов, Мережковский, Сологуб и др. Он перерос свою школу, оказав решающее влияние на все последующие русские литературные течения. Мы, авторы этих посмертных строк о Белом, считаем себя его учениками».

Другое – это стихотворение О.Э. Мандельштама, написанное непосредственно в дни прощания с Андреем Белым (10-11 января 1934 года):

Голубые глаза и горячая лобная кость –
Мировая манила тебя молодая злость.

И за то, что тебе суждена была чудная власть,
Положили тебя никогда не судить и не клясть.

На тебя надевали тиару – юрода колпак*,
Бирюзовый учитель, мучитель, властитель, дурак!

Как снежок на Москве заводил кавардак гоголек**:
Непонятен-понятен, невнятен, запутан, легок...

Собиратель пространства, экзамены сдавший птенец,
Сочинитель, щегленок, студентик, студент, бубенец...

Конькобежец и первенец, веком гонимый взашей
Под морозную пыль образуемых вновь падежей.

Часто пишется казнь, а читается правильно –
песнь, Может быть, простота – уязвимая смертью болезнь?

Прямизна нашей речи не только пугач для детей –
Не бумажные дести***, а вести спасают людей.

Как стрекозы садятся, не чуя воды, в камыши,
Налетели на мертвого жирные карандаши.

На коленях держали для славных потомков листы,
Рисовали, просили прощенья у каждой черты.

Меж тобой и страной ледяная рождается связь –
Так лежи, молодежь и лежи, бесконечно прямась.

Да не спросят тебя молодые, грядущие те,
Каково тебе там в пустоте, в чистоте, сироте...

Для уточнения понимания отдельных смысловых оттенков стихотворения Мандельштама сделаем три небольших пояснения:

* юрода колпак – имеется ввиду московский юродивый Блаженный Иоанн Московский (XVI век), ходивший в железном колпаке;

** гоголек – прозвище Белого, данное ему Вячеславом Ивановым;

*** бумажные дести – авторский печатный лист.

3. «Петербург» – крупнейшее произведение литературы Серебряного века. По мнению Владимира Набокова, роман «Петербург» является одним из четырех главных произведений XX века. Рядом стоят «Процесс» Кафки, «Улисс» Джойса и «В поисках утраченного времени» Пруста, – романы, в которых центральное место отведено описанию внутренней жизни сознания. Эту особенность «Петербурга» подчеркивал и сам Белый. Так, на одной из страниц романа читаем: «мысли сами себя мыслили». Заметим, что феноменология сознания («мозговая игра») была крайне важна и для становления Выготского как психолога, о чем можно судить уже по первым его работам «Трагикомедия исканий», 1912 (Завершнева, 2017), «Трагедия о Гамлете, принце Датском У. Шекспира», 1915-1916 (Собкин, 2015).

К работе над «Петербургом» Белый возвращался неоднократно. Согласно Л.К. Долгополову (Долгополов, 1988), существует шесть редакций романа. Первые варианты под условными заглавиями: «Злые тени», «Лакированная карета» (1911-1912) были подготовлены для журнала «Русская мысль», но по идеологическим соображениям оказались отвергнуты его редактором П.В. Струве. Вторая редакция (1912-1913) предназначалась для издательства К.Ф. Некрасова. Третья (1913-1914) – относится к публикации романа в сборниках альманаха «Сирин». Впоследствии из нераспроданных экземпляров сборников альманаха

были вырезаны страницы с текстом романа и сброшюрованы в отдельную книгу, которая и была издана в 1916 году. Именно на этот – «Сириновский» вариант романа «Петербург» и написана рецензия Выготского. Помимо этого, в 1914 году Белый сокращает «Петербург» для издания на немецком языке (так называемая, мюнхенская редакция). Пятая серьезная редакция связана с сокращением «Сириновской» книги для «Издательства писателей в Москве», но издание не было осуществлено. И, наконец, новые сокращения «Петербурга» были сделаны для берлинского (1922) и московского (1928) изданий.

Помимо указанных выше шести авторских редакций романа, следует также отметить и кардинальную переработку Белым романа «Петербург» для постановки в МХТ-2 («Гибель сенатора», 1925), где главную роль Аполлона Аполлоновича Аплеухова исполнял Михаил Чехов.

К анализу «Петербурга» неоднократно обращались как современники Белого, так и последующие поколения исследователей: Вяч. Иванов, Н.А. Бердяев, В.Ф. Ходасевич, Л.К. Долгополов, Ю.М. Лотман, В.Н. Топоров и др. При этом рассматривался широкий круг вопросов: идеология романа (противостояние Восток – Запад; власть – революция и др.), его философско-эстетические основания (символизм, панмонголизм, соотношение субъективного идеализма и волюнтаризма, ницшеанство – кантианство, антропософия и материализм), историко-культурные аспекты (литературные традиции и взаимовлияния, прототипические особенности текста, «Петербург», как гипертекст русской культуры, культурный диалог), структурно-семиотические характеристики романа (метрико-ритмическая структура текста, особенности символизации, пространственно-временные характеристики организации текста, специфика нарратива и позиция автора), психологические проблемы (структура Я, проблемы двойника, феноменология состояний сознания и аффективных переживаний, защитные механизмы).

«Петербург» был воспринят первыми читателями неоднозначно. Многие отмечали его явную тенденциозность, незнание автором реалий революционной среды, которая отобразена в романе. Отвечая на подобную критику, Белый писал Иванову-Разумнику: «... в замысле моем виделись мне черты абсолютно не соизмеримые с бытом, революцией и т.д. ... Революция, быт, 1905 год и т.д. вступили в фабулу случайно, невольно ...» (письмо Андрея Белого Иванову-Разумнику от 12/25 декабря 1935 года, Берлин). В этом же письме он подчеркивал, что главная тема романа – отображение подсознательной жизни искаженных мысленных форм, весь роман можно было бы назвать «Мозговая игра».

И, наконец, в связи с комментируемой рецензией Выготского важно иметь в виду проведенный М. Безродным (Безродный, 1997) сравнительный анализ последних редакций «Петербурга» (1922, 1928) с текстом романа 1916 года, где было показано, что в своих редакционных правках Белый целенаправленно сокращает именно антисемитские высказывания, которым и уделяет особое внимание Выготский.

4. ... не имеющее никакого отношения к этому «всемирному племени» (слова Достоевского) – Выготский приводит фразу из «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского (мартовский выпуск за 1877 год, глава вторая).

Следует заметить, что этот выпуск расценивается многими как главное антисемитское произведение Достоевского (см. статью «Достоевский Федор Михайлович // Еврейская энциклопедия Брокгауза и Ефрона. – Санкт-Петербург, 1906–1913). В двух разделах этой главы: «Еврейский вопрос» и «Pro

и contra» Достоевский подчеркивает принципиальную невозможность слияния евреев с другими народами («жидовщина», «идея жидовского царства»). При этом он отмечает следующие характерные черты евреев: 1) убежденность в избранничестве; 2) мученичество (постоянные жалобы на свою судьбу); 3) эксплуатация евреями коренных народов («безжалостность ко всему, что не есть еврей»). И именно к этому третьему моменту относится цитируемая Выготским фраза Достоевского: «Если начать писать историю этого всемирного племени (выделено нами – В.С., Т.К.), то можно тотчас же найти сто тысяч таких же и еще крупнейших фактов, так что один или два факта лишних ничего особенного не прибавят» (Достоевский, 2008, С. 284).

Важно иметь в виду, что в архиве семьи Выготских сохранился черновой вариант неоконченной статьи «Евреи и еврейский вопрос в произведениях Достоевского» (рукопись хранилась сестрой Выготского – З.С. Выгодской). Она была опубликована в сокращенном варианте в тель-авивской газете «Вести» (прилож. «Окна», март 1997), полностью – в книге «От Гомеля до Москвы» (Добкин, Выготский, Фейгенберг, 2000). В этой статье Выготский подробно разбирает выпуск Дневника писателя за 1877 год. В комментируемой рецензии на роман Белого «Петербург» Выготский активно привлекает материалы из этой своей работы, посвященной еврейскому вопросу у Достоевского, что мы будем в дальнейшем специально отмечать в наших примечаниях (см. коммент. № 38).

5. ... говорит Вл. Соловьев, называя еврейство осью всемирной истории – имеется в виду статья Соловьева «Талмуд и новейшая полемическая литература о нем в Австрии и Германии» (1886), где автор отвергает утверждение антисемитов, будто приверженность евреев к Талмуду, питающая их обособленность, служит препятствием для предоставления им гражданского равноправия. Соловьев же, напротив, считает, что сама национальная идея евреев имеет универсальное значение, свидетельствующее о всемирной миссии Израиля: «Проходя через всю историю человечества, от самого его начала и до наших дней (чего нельзя сказать ни об одной другой нации), еврейство представляет собой как бы ось всемирной истории (выделено нами – В.С., Т.К.). Вследствие такого центрального значения еврейства в историческом человечестве, все положительное, а также все отрицательные силы человеческой природы проявляются в этом народе с особенной яркостью» (Соловьев, URL:http://khazarzar.skeptik.net/books/jud/thal_sol.htm). Заметим, что данное положение было крайне важным и в дальнейшей философской дискуссии по еврейскому вопросу. Так, Сергей Булгаков писал: «Еврейство есть подлинная ось всемирной истории (выделено нами – В.С., Т.К) в том смысле, что оно в ней присутствует с самого начала до конца. Это есть единственный народ, удерживающий свое место в пестрой смене разных народов, в их исторической очереди. При этом сила его не ослабевает ни количественно, ни качественно. Таков основной факт в жизни «избранного народа», это предсказано и в пророческих книгах, как свидетельство на то воли Божьей. И это физическое сохранение и распространение Израиля сопровождается внедрением его в жизнь всех наций ... Само существование Израиля в качестве подлинной оси истории, его самосохранение в веках, когда разрушение постигало царства, истреблялись и уничтожались народы, способно возбуждать национально-историческую ревность» (Булгаков, 1991).

Заметим, что, если Соловьев, определяя еврейство как ось всемирной истории, фиксирует универсальность еврейства, подчеркивая, что в нем скон-

центрированы «положительные и отрицательные силы человеческой природы», то Вулгаков акцентирует внимание на богоизбранности как источнике негативного отношения к евреям (национально-историческая ревность), что и оказывается одним из оснований для понимания глубинных источников антисемитизма. Таким образом, уже в самом начале статьи Выготский проблематизирует ситуацию, сталкивая два противоположных отношения к евреям: антисемитизм и юдофильство, причем, глубинным основанием для обоих является богоизбранность.

И, наконец, добавим, что при анализе данной фразы важно также учитывать и те устойчивые значения, которые связаны со словом «ось»: ось координат (прямая с указанием направления, точки отсчета и выбором масштабной единицы – математика), стержень, на котором держатся вращающиеся детали (техника), ось земли (география) и др. Они задают, на наш взгляд, важные смысловые коннотации, когда этот термин используется в контексте вопросов, касающихся человеческой истории.

6. ... от Кира и Наполеона – объединение Выготским этих двух исторических персонажей в одном высказывании обусловлено их позитивным отношением к политическим правам еврейского народа. Так, персидский царь Кир (ок. 590–530 до н.э.) является одним из положительных героев Библии из числа не евреев. В отличие от вавилонян, угонявших евреев в рабство, Кир предложил живущим там евреям вернуться на родину и разрешил восстановить Храм. В Библии Кир характеризуется не столько как всемогущий персидский царь, сколько как орудие Бога Израилева. Его закон, разрешивший евреям вернуться в Палестину, начинается словами: «все царства земли дал мне Господь, Бог небесный, и Он повелел мне построить Ему дом в Иерусалиме, что в Иудее...» (Библия; Ездра, 1:2).

Относительно же политики Наполеона по еврейскому вопросу следует отметить, что в завоеванных европейских странах им был провозглашен принцип еврейской эмансипации, благодаря которому еврейское население этих стран смотрело на него как на освободителя. В 1807 году в Париже Наполеоном был создан великий Синедрион, где еврейские лидеры подтвердили свою верность существующей власти, а еврейскому населению, в свою очередь, были гарантированы гражданские права.

7. ... повторяется история с землей и солнцем... Так же обстоит дело и в мире идейном вообще – в этом небольшом фрагменте высказан ряд методологических положений, важных не только для данной рецензии, но и для последующих собственно психологических работ Выготского.

Во-первых, задан общий ракурс восприятия романа «Петербург», при котором еврейская проблематика приобретает особое смысловое значение. Заметим, что подобная акцентуация, определяемая национальной самоидентификацией Выготского как читателя-рецензента, влияет на восприятие, смысловое понимание и оценку как отдельных аспектов, так и всего романа в целом. Иными словами, в более общем виде можно сформулировать следующий тезис: исходная ценностная позиция читателя во многом определяет смысловое восприятие текста.

Во-вторых, здесь обозначен методологически важный принцип, связанный с понятием внешней и внутренней точки зрения, в соответствии с которым ситуация рассматривается либо извне, либо изнутри. Подобный подход имеет фундаментальное значение, как в семиотических (М.М. Бахтин, Б.А. Успенский, Ю.М. Лотман и др.), так и в собственно психологических исследованиях (психоанализ и другие психо-

технические практики), где акцент ставится на понимании и интерпретации смысла.

В-третьих, принципиальное значение имеет противопоставление знаний о действительности и реальной данности опыта. Это один из важнейших психологических сюжетов, касающийся, в частности, взаимоотношения житейских и научных понятий, той проблемы, решением которой Выготский будет подробно заниматься в своих дальнейших, собственно психологических исследованиях («Мышление и речь», «Педагогика подростка», «Дефектология»). Заметим, что различие действительности и данности опыта было крайне важно и для Белого в его работах о символизме. При этом для него сама данность опыта в искусстве источно связана с переживанием, и в этом отношении она (реальность) принципиально символична. Здесь центральным моментом выступает подчинение реальности бытия этической норме, когда «суждение истинное есть должное». Причем возможны два способа: 1) преображение действительности; 2) создание в фантазии новых образов, которых нет в действительности (Белый, 1994).

В-четвертых, данное рассуждение включает предположение о своеобразии психологической позиции воспринимающего, которое задано через оппозицию: эгоцентризм – децентрация. Эта тема также является принципиальной для дальнейших психологических работ Выготского, особенно тех, которые посвящены развитию речи и мышления в детском и подростковом возрастах, дефектологии и психологии искусства («Мышление и речь», «Дефектология», «Психология искусства», «Педагогика подростка»).

И, наконец, в-пятых, это сопоставление своеобразия горизонтов видения (замкнутый круг, в центре которого сам человек) как в физическом, так и в идеологическом пространствах. В этом отношении можно провести уже отмеченную нами ранее параллель (Собкин, Климова, 2016) во взглядах Л. Выготского и К. Левина, последний практически в эти же годы, занимался анализом аффективных особенностей восприятия ландшафта (Левин, 2001).

Таким образом, уже в этот период Выготский активно использует методы многопозиционного структурного анализа (точка зрения, децентрация, различие понятийных систем, смысловая позиция) для интерпретации социально-культурных реалий. Можно предположить, что подобные приемы были освоены им еще в подростковом возрасте в ходе занятий с домашним педагогом Ш.М. Ашпизом, который активно использовал в обучении метод сократического диалога (Выгодская, Лифанова, 1996; Добкин, Выготский, Фейгенберг, 2000). Эта способность схватывать психологическую реальность и выражать ее в простой и ясной форме с применением приемов многопозиционного структурного анализа, является отличительной чертой Выготского-психолога.

8. ... как во всякой точке истории всемирной прощупывается история еврейская – Выготский неявно вновь цитирует Вл. Соловьева, отсылая читателя к его положению о еврействе как об «оси всемирной истории» (подробнее см. коммент. № 5), тем самым завершая здесь общую вступительную часть своей рецензии. Подчеркнем, что подобный повтор, как своеобразная «смысловая рамка», вообще является характерным композиционным приемом оформления Выготским своих текстов.

Заметим, что на эту фразу в рецензии Выготского обращает внимание и А. Эткинд. Однако отсылку Выготского к Вл. Соловьеву он опускает, переходя непосредственно к противопоставлению России и Петербурга, где столицы приписываются «еврейские черты» (Эткинд, 1996, С. 276). У Выготского же, и это важно, логика перехода к теме антисемитиз-

ма романа Белого более сложная. Для этого он ниже в своей рецензии обращается к отзыву на «Петербург» в «Русских записках». Иными словами, антисемитизм романа, как центральная тема рецензии обосновывается Выготским не прямым переходом от высказывания Вл. Соловьева (что само по себе просто нелепо, учитывая юдофильство этого философа), а опосредовано отсылкой к указанной статье в «Русских записках».

9. «Даже панегиристы романа г. А. Белого едва ли откажутся признать, что его антисемитизм получил в романе довольно пошлое выражение» – цитата взята из статьи «А. Белый. Петербург», которая была опубликована в журнале «Русские записки» (№ 7 за июль 1916 г., С. 271, раздел: «Библиография», автор нами (В.С., Т.К.) не установлен).

«Русские записки» – одно из названий ведущего либерального журнала «Русское богатство», который возник в 1876 г. и в период с сентября 1914 до марта 1917 года выходил под названием «Русские записки». Его коллектив не принял Октябрьскую революцию 1917 года, и журнал был окончательно закрыт в 1918 году.

Цитируемая Выготским статья содержит явно выраженное критическое отношение к роману «Петербург». При этом сама критика в ней строится относительно трех содержательных фокусов. Первый касается идеологии романа. Здесь рецензент выражает несогласие с характером изображения и негативным отношением автора к революционерам, подчеркивая отсутствие у него знаний этой среды. Второй – затрагивает философские моменты, лежащие в основе романа, особенно идеи славянофильства, субъективного идеализма, неокантианства и антропософии. И, наконец, третий содержательный фокус связан с неприятием символизма, как художественного направления. По мнению автора рецензии, это ведет к искусственности, рациональности и мертвенно-рассудочным построениям, лишенным психологизма. Несколько расширим комментируемую цитату: «Русские революционеры делятся для автора «Петербурга» на две категории: обманутых дураков и подлых обманщиков. Новое освещение, новых художественно обобщенных фактов он не дает; чувствуется, что он не знает тех людей, о которых пишет. Он исходит из абстракции и, руководимый своими социально-политическими пристрастиями, пытается дать этим абстракциям бытие. Пристрастия эти идут далеко: так, например, даже панегиристы романа г. А. Белого едва ли откажутся признать, что его антисемитизм получил в романе довольно пошлое выражение».

10. ... как и первый роман А. Белого – имеется в виду его роман «Серебряный голубь», один из ярчайших образцов прозы русского символизма (публиковался в журнале «Весы» с марта по декабрь 1909). Характерно, что изначально сюжет «Петербурга» был задуман, как продолжение «Серебряного голубя». Однако в ходе работы над романом его концепция изменилась. В роман «Петербург» перешел лишь персонаж Степка – пророчествующий сектант («Нужно строить Новый ковчег!»), которому мерещится нашествие всадников Чингиз-Хана, волны Востока, захлестывающие столицу.

Подчеркнем, что в «Петербурге» эта тема становится одной из центральных в «мозговой игре», и Выготский проницательно улавливает ее генетическую связь с «Серебряным голубем», где один из героев (Кудеяров) проповедует, подобно хлыстам, чувственный мистицизм.

Добавим, что связь с хлыстовством проявлялась и в личностных особенностях Андрея Белого. Это отмечали многие (Марина Цветаева, Максимилиан Во-

лошин, Владислав Ходасевич, Федор Степун и др.). Важно иметь в виду, что интерес к хлыстовству сыграл особую роль в становлении как мировоззрения, так и эстетических взглядов Белого, для которого одним из ключевых моментов символизма являлась связь символа с чувственными переживаниями. И в этом отношении опыт экстатических коллективных форм переживаний находился в фокусе его особого внимания.

Заметим, что интерес к мистическим переживаниям отчетливо проявился в это же время и у Выготского. Это было связано не только с работой над Гамлетом (1915–1916 гг.), но и с интересом к хасидизму. Об этом, в частности свидетельствует и его перевод с древнееврейского рассказа М. Бердичевского «Выкуп», который был опубликован в журнале «Новый путь» в октябре 1916 года, т.е. менее чем за месяц до публикации в том же журнале рецензии на роман Белого «Петербург» (подробнее см. Собкин, Климова, 2016).

11. ... Там выявлено было одно начало России, одна ее стихия, здесь противоположная – для понимания данной фразы важно иметь в виду две оппозиции: народ (хлыстовство) – дворянство, интеллигенция («Серебряный голубь») и народ (революция) – бюрократия («Петербург»). Вместе с тем, следует подчеркнуть, что Выготский имеет в виду и более глубинную, прототипическую культурную оппозицию: дионисийского и аполлонического начала, которая была одной из ключевых в философии Ф. Ницше: «Рождение трагедии из духа музыки», 1872, «Рождение трагедии или эллинство и пессимизм», 1886 (Ницше, 1996). Если аполлоническое начало характеризуется рациональностью, чувством меры, примирением с жизнью, состоянием гармонии, то дионисийское, напротив, связано с иррациональностью, бунтарством, беспокойством и неудовлетворенностью. Аполлоническое начало предполагает проявление индивидуальности, в то время как дионисийское – уничтожает индивидуальность через коллективные экстатические переживания (растворение индивида в массе). Таким образом, в культуре борются две тенденции: одна – аполлоническая (установка на рационализм, соответствие формы и содержания, упорядочивание, логика и мотивированность поведения), другая – дионисийская (предполагает непредсказуемость, стихийность, динамизм, свободу по отношению к сложившимся ценностям). Дионисийство – это философия социального протеста, революции. Принято считать, что оппозиция аполлоническое – дионисийское отражает противостояние Запад – Восток, хотя, подчеркнем, в философии Ницше эти два начала не отделимы друг от друга. Они борются в душе художника, и оба присутствуют в художественных произведениях.

Надо иметь в виду, что Ницше, обращаясь непосредственно к искусству, противопоставляет аполлоническое – дионисийское как оппозицию пластических искусств и музыки. В этом отношении, на наш взгляд, совершенно не случайно использование Белым в романе «Петербург» приемов метрико-ритмической речи, поскольку подобная стилистическая организация текста усиливает его дионисийское начало.

Для понимания комментируемой фразы в рецензии Выготского важно также иметь в виду, что в России активным продолжателем идеи Ницше о значении дионисийского начала в искусстве был Вяч. Иванов («Эллинская религия страдающего бога», 1904; «Религия Диониса», 1905). Он акцентировал внимание на том, что дионисийство характеризует такое внутреннее состояние, которое предполагает также особую форму коммуникации, где коллективное общение реализуется в необычной знаково-инструментальной опосредованности. Причем, ему соответствует харак-

терная обрядовая форма обмена внутренними переживаниями участников, что предполагает не их индивидуацию, а, напротив, включение участников в общее оргастическое, мистериальное действие. Заметим, что здесь диониссийский экстаз оказывается близок хлыстовскому радению.

Здесь особое значение приобретает идея очистительного страдания, которая является центральной для понимания Ивановым диониссийского мифа, в его попытке рассматривать данный миф как источник прохристианства, где Дионис оказывается Богом-Сыном, Богом умирающим и воскрешающим – идея гибели и возрождения здесь является центральной. Отсюда и принципиальная важность трагического мироощущения. Трагический человек «воплощен в жизнь всецело, всем своим составом он погружен в динамику ее становления ... уничтожение и новое возникновение. Трагическое отношение к жизни – есть пребывание в ее нервах, ее кровеносных жилах, в ее бьющемся сердце» (Иванов, 1994, С. 373–377).

Перечисленные выше (возможно, излишне подробно) представления Иванова лежат в основе его статьи «Вдохновение ужаса (О романе Андрея Белого «Петербург»)», которая вышла за полгода до рецензии Выготского (газета «Утро России» от 28 мая 1916). В ней Иванов характеризует роман как «красочный морок», где сливаются воедино, отражаясь одно в другом, «в одном вдохновенном переживании прекрасное и отвратительное». Это «символическая тайнопись иррационального личного внутреннего опыта», смеющаяся над рациональностью и, в то же время, «синтетически охватывающая целое» – жизнь России. «Вдохновением иррационального выплеска души писателя в текст романа является ужас перед тикающим своим заведенным часовым механизмом бомбы, помещенной в четыре тонких стенки, имя которым – человеческое Я ...» (Иванов, 2004, С. 405). Отсюда и иррациональный мистический страх перед желтой опасностью, которая разлита в крови и духе. Именно это и есть тикающая в нас бомба, нигилизм, связанный с уничтожением Христа, веры в Бога, человека, обращение живого в ничто. Именно это и определяет, по мнению Иванова, пафос трагического переживания Белого, – «одержимость от Ужаса». И это можно рассматривать как основание для особого мистического антисемитизма, которым и завершает свою рецензию Выготский.

Нет сомнений в том, что Выготский был знаком с данной статьей Иванова, поскольку она имела большой общественный резонанс. Это видно и из дальнейшего содержания рецензии Выготского, особенно из заключительной ее части. Приводя основные положения статьи Иванова, важно также иметь в виду, что он был одним из первых читателей романа «Петербург». По воспоминаниям современников и самого Андрея Белого, роман читался на Башне Иванова, причем, именно Иванов настоял на том, чтобы роман назывался «Петербург», аргументируя это тем, что город является главным героем авторского повествования.

12. ...Петербург для автора – символ нерусской России... вскрываемое в правительстве и революции (1905 г.) – данный фрагмент представляет собой авторизованную цитату из статьи в «Русских записках», на которую в рецензии ссылается Выготский (см. коммент. № 9). Там мы читаем: «Роман г. Андрея Белого откровенно тенденциозен. России подлинной, России истинно русской противоположен здесь Петербург, создание искусственное, чуждое русскому естеству, наносное и рационалистическое. В этой рационалистической, геометрической, головной искусственности оказываются сходными и равно повинными две петербургские стихии, с виду враждебные, но по существу одина-

ково не русские, настоящей России чуждые и для нее равно пагубные. Эти две стихии – правительство и революция, бюрократия и интеллигенция. Борьба этих начал и составляет фон, на котором развернуты события романа и обрисованы его действующие лица. События эти относятся к 1905 году ...» («Русские записки», 1916, С. 270).

Заметим, что, помимо оппозиций, обозначенных Выготским (русское/не русское, искусственное/естественное, рациональное/иррациональное, правительство/революция), в статье, опубликованной в «Русских записках», содержится и еще одно принципиальное противопоставление: бюрократия/интеллигенция, которое обострилось в период революции 1905 года, было крайне важным в советский период и остается таким сегодня. В рецензии же (в данном месте) этот аспект Выготский опускает, подводя читателя к основной теме своей статьи о соотношении русского/не русского (еврейского). Вместе с тем, заметим, что к проблеме интеллигенции Выготский вернется в самом конце своей рецензии, фиксируя противопоставление мнений по национальному вопросу именно среди представителей российской интеллигенции. Подобная смысловая кода имеет особое значение, поскольку фиксирует особую чувствительность Выготского к идеологическим напряжениям и разногласиям по национальному вопросу именно среди интеллигенции накануне революционных событий 1917 года в России. В свою очередь, это позволяет сделать вывод о том, что для Выготского весьма остро в это время стояла проблема национальной (я – еврей) и социальной (я – российский интеллигент) самоидентификации.

В подтверждение приведем фрагмент из его личного архива: «То, что я еврей – это дается мне внутренними мистическими переживаниями, корнями уходящими в глубь веков, невидимыми нитями, связанными со сверхразумной и сверхсоциальной жизнью народной души в ее прошлом и настоящем – это дается мне внутренней «скорбной складкой души, печатью Бога живого» – и я всегда испытываю и ощущаю, что я «запечатленный», я – еврей!» (Завершнева, 2017, С. 37).

13. ... в проблеме нерусской России, – выход в еврейскую тему, которую роман затрагивает, правда, только мимоходом – это признание Выготского крайне важно, так же, как и сходная оценка в рецензии, опубликованной в «Русских записках» (см. коммент. № 9), поскольку, действительно, на первый взгляд, собственно антисемитских высказываний на страницах романа не много. Для того, чтобы обратить на них внимание, надо обладать особой чувствительностью, иметь особую установку при восприятии романа. На наш взгляд, обостренная реакция Выготского по поводу проявлений антисемитизма в романе «Петербург» обусловлена в большей степени статьей Белого «Штемпелеванная культура» («Весы», 1909, № 9), которая вызвала широкую общественную дискуссию. Значимость этой статьи для комментируемой нами рецензии Выготского отмечает и А. Эткинд (Эткинд, 1996). Возможно, эту же статью имеет в виду и автор цитируемой рецензии на роман «Петербург», помещенной в «Русских записках». В «Штемпелеванной культуре» Белый выступил против «еврейского засилья» в русской литературе. Заметим, что данная статья оценивалась многими современниками как «погром в литературе» (см. О. Норвежский «Андрей Белый без маски: первый погром в литературе» // «Раннее утро», 1909, 26 ноября).

Уже в самом использовании слова штемпель в названии статьи применительно к культуре содержится ряд негативных коннотаций. Отметим лишь две: штамповка и изображение для гашения знаков, фиксирующее уплату. Статья Белого структурирована относительно

следующих четырех тезисов. Первый состоит в том, что западная культура не едина, а индивидуальна – и по быту, и по философии, и по организации общественной жизни. При этом автор считает, что основная оппозиция здесь задана противопоставлением: национальная самобытность – космополитизм. При этом космополитизм, как правило, связывается с прогрессом, что, в свою очередь, предполагает особый взгляд на культуру, продукты которой должны быть отмечены штемпелем прогресса. Заметим, что сегодня само это противопоставление также оказывается крайне актуальным, если мы вместо термина космополитизм введем понятие глобализм, а термин прогресс заменим – техноэволюцией. Второй тезис фиксирует представление о том, что продукты культуры все чаще носят интернациональный характер, штемпель – интернациональная фабрика по производству мыслей, ценностей, т.е. это – массовая культура. В ее основе лежит коммерциализация, что, в свою очередь, ведет к падению вкусов и цензуре капитала. Произведения оказываются проштемпелеванными через цензуру биржевиков и художественных критиков. Таким образом, первые два положения касаются критического анализа тенденций социокультурной динамики. Третий же тезис, он выступает центральным, связан с определением тех, кто владеет капиталом в издательской сфере, а также властью в художественной критике. При ответе на этот вопрос и проявился антисемитизм Белого. По его мнению, евреи, лишённые гражданских прав, смогли проявить свою общественную и финансовую активность именно в сфере культуры, им принадлежат основные издательства и литературная критика. Но евреи, как инородцы, не чувствуют духовных оснований русского народа, евреи – иной народ, и в этом их отрицательное влияние на национальную культуру. И, наконец, четвертый тезис связан со способом решения обозначенной проблемы. Для того, чтобы освободить культуру от еврейского засилья, надо предоставить евреям равные права с гражданами России. Тогда, по мысли Белого, они уйдут в другие сферы общественной, политической и экономической жизни.

Эта статья Белого была воспринята неоднозначно представителями творческой интеллигенции (подробнее см. М. Везродный «О юдობязни Андрея Белого»). Причем, среди соглашавшихся с ее основными тезисами были и представители евреев. Например, М. Гершензон в письме А. Горнфельду писал по этому поводу: «Я чувствую свою психику совершенно еврейской и совершенно разделяю точку зрения Чуковского, Андрея Белого и пр., т.е. я уверен, что интимно понять русских я не в состоянии» (Гершензон, 1993, С. 231). Следует подчеркнуть, что тема «чужого как своего» по поводу места евреев в русской литературе была отчетливо обозначена за год до выхода статьи Белого в публикации Корнея Чуковского «Евреи и русская литература» («Свободные мысли», 1908, 14 января). Поэтому отсылка Гершензона к Чуковскому отнюдь не случайна, и на этом стоит остановиться подробнее.

Дело в том, что в своей статье Чуковский отмечает пренебрежительное отношение евреев к своей собственной национальной литературе. В основном же они занимаются русской литературой, в чем проявляется их стремление к ассимиляции. И, в то же время, по мнению Чуковского, в русской литературе они не создали ничего значительного, они лишь компиляторы, интервьюеры, репортеры. Они «подхватывают чужие мотивы ... подпевают по чужим нотам» (Иванова, URL: https://royallib.com/read/ivanova_evgeniya/chig_chukovskiy_i_gabotinskiy.html#560174). Далее Чуковский формулирует жесткий тезис: «...еврей не способен понять Достоевского ... чем больше поэт, тем он национальнее; чем он национальнее, тем менее он понятен чужому слуху, чужой душе. Между

тем, певцы классового сознания, а не национального жизнеощущения ... доступны всем и понятны евреям, – но за то же они фатально второстепенны» (Иванова, URL: https://royallib.com/read/ivanova_evgeniya/chig_chukovskiy_i_gabotinskiy.html#560174). Таким образом, еврей, вступая в русскую литературу, идет в ней на десятки роли не потому, что он бездарен, а потому, что язык, на котором он здесь пишет не его язык; эстетика, которой он здесь придерживается, не его эстетика...» (Корней Чуковский «Евреи и русская литература», URL: https://royallib.com/read/ivanova_evgeniya/chig_chukovskiy_i_gabotinskiy.html#560174). Статья Чуковского вызвала острую дискуссию, в которой приняли участие А. Горнфельд, В. Тан, В. Жаботинский, В. Розанов и др. (подробнее см. Чуковский и Жаботинский. История взаимоотношений в текстах и комментариях / автор и составитель Е. Иванова. – Москва; Иерусалим: Гешарин ; Мосты культуры, 2004). Она вышла за рамки узколитературной и переросла в политическую. Основной акцент в ней делался на социокультурном смысле и последствиях процесса ассимиляции евреев в русскую культуру и понимани патриотизма. Причем, здесь проявилась негативная оценка этого процесса с позиции сионизма, как предательства еврейской интеллигенцией интересов своего народа (В. Жаботинский «Русская ласка»).

Таким образом, Выготский, обсуждая проявления антисемитизма в романе Белого «Петербург», не явно имеет виду не только традиционное представление о чуждости евреям русской культуры, противопоставление христианства и иудаизма, но и критику, касающуюся тенденций ассимиляции еврейской интеллигенции, выраженную с позиции сионизма. Характерно, что именно раскол интеллигенции по поводу еврейского вопроса, повторимся, и станет основной темой завершающей части его рецензии.

14. ...несомненно, что по заданию это есть произведение художественное, и идеи автора получили соответственное выражение в зависимости от самой избранной автором художественной формы – это место в рецензии важно в методологическом отношении, поскольку здесь Выготский не явно формулирует принципиальный для него тезис о взаимоотношении формы и материала при интерпретации художественного произведения. Исходя из этого положения, он подчеркивает, что адекватно понять идею романа «Петербург» невозможно вне анализа самой художественной формы этого произведения, т.е. вне понимания того, что роман «Петербург» – произведение символическое. В связи с этим, возникает вопрос: как раскрыть эту, по выражению Вяч. Иванова, «символическую тайнопись личного внутреннего опыта» автора (Иванов, 2004, С. 408)? Понятно, что подходить к «Петербургу» с критериями его соответствия принципам реализма или социально-политическими оценками не адекватно. При этом возникает особая проблема, связанная с подходом к анализу символического произведения.

Заметим, что тут оказывается важен тот метод читательской критики, который использовал до этого (1915–1916) сам Выготский при анализе «Гамлета» (Выготский, 2015, С. 77–284). В соответствии со сформулированными им принципами читательской критики здесь необходимо уточнить, по меньшей мере, два момента. Первый – касается содержания переживания, той эмоциональной доминанты, которая возникает в результате чтения художественного произведения. Применительно к роману «Петербург», важно учитывать мнение Н. Бердяева о том, что в художественном творчестве Белого «нет катарсиса», а есть «всегда что-то слишком мучительное, потому что сам он, как художник, не возвышается над той стихией, которую изображает, не преодолевает ее, он

сам погружен в космический вихрь и распыление, сам в кошмаре. В его романе нет не только идеологического, сознательного выхода, но нет и художественного, катарсического выхода, он не освобождает, оставляет в тяжелом кошмаре... Его искусство есть его собственное бытие, его хаос, его вихревое движение, его космическое ощущение... Это нужно принять и не искать утешений» (Бердяев, 2004, С. 417).

По поводу этого своеобразия текста романа – без катарсиса – добавим, что Михаил Чехов специально просил Белого о том, чтобы при переработке романа в драматическое произведение он предусмотрел возможность катарсиса, что, в свою очередь, потребовало существенных изменений: «Механическая переработка превратилась в органическое написание «Петербург № 2». М.А. Чехов вызвал эту переработку, вывинув передо мной вопрос «о катарсисе»; будет ли катарсис?» (цит. по: Инна Соловьева «Гибель сенатора». Газета о театре и кино «Экран и сцена», 25 янв. 2015).

Подчеркнем, что при чтении романа возникает особое переживание, которое крайне трудно поддается определению. Это, по мнению Бердяева, – астральный роман, что связано с ощущением хаоса бытия или, как отмечал Вяч. Иванов, – с переживанием ужаса. «Петербург» – роман, наполненный «мистической энергетикой». Заметим, что такой энергетикой обладал, с точки зрения Выготского, и «Гамлет» Шекспира. Так, завершая свой анализ этой трагедии, Выготский пишет: «Это самая мистическая (выделено нами – В.С., Т.К.) трагедия, где нить потустороннего вплетается в здешнее, где тот мир влияет на этот, так что трагедия происходит в двух мирах – здесь и там. Это трагическая мистерия (выделено нами – В.С., Т.К.)... – эта пьеса имеет два смысла – один видимый и простой, другой – сокровенный и тайный» (Выготский, 2015, С. 296).

Второй момент касается подхода и приемов анализа самой художественной формы, где можно выделить разные уровни: языковой, сюжетно-событийный, пространственно-временной, психологический, идеологический, политический и др. Понятно, что, каждый тип анализа, в свою очередь, строится относительно определенного предмета, что и определяет собственно его содержательные аспекты (характер переживания и поступков героев, мифопоэтическая структура и др.). Поэтому при анализе романа «Петербург» важно иметь в виду то определение, которое дает ему сам автор: «Я соглашусь охотно с вами, вероятно в романе есть крупнейшие неточности ... главная тема романа – отображение подсознательной жизни искаженных мысленных форм; и весь роман можно было бы назвать “Мозговая игра”» (более полная цитата этого фрагмента приведена в коммент. № 3). Таким образом, относительно «мозговой игры» и особенностей символизации подсознательной жизни и должны рассматриваться образы, персонажи романа, его сюжетно-событийная композиция, языковые особенности.

Заметим, что при чтении романа «Петербург» Выготский сталкивается со сложнейшей психологической феноменологией процессов сознания, которая касается именно разнообразных аспектов символизации. Понятно, что в рамках небольшой журнальной рецензии провести анализ этих процессов он не мог. Да и сам повод написания рецензии (ее задание) был связан с другой проблематикой. Однако можно предположить, что знакомство с романом имело важное значение для становления Выготского как профессионального психолога, у которого проблематика знаково-символического опосредования психических процессов станет одной из центральных.

И, наконец, добавим, что термин задание, используемый Выготским в своей рецензии, был распространен в то время и применялся при критическом анализе художественных произведений. Например, у В. Хода-

севича читаем: «Начиная с «Петербурга» все политические, философские и бытовые задания (выделено нами – В.С., Т.К.) Беловских романов отступают на задний план перед заданиями автобиографическими» (Ходасевич, 2018, С. 177).

Важно также обратить внимание на то, что термин задание выступает своеобразным маркером, неявно отсылающим нас и к работам представителей формальной школы (Общество по изучению поэтического языка – ОПОЯЗ), где он является одним из базовых при анализе художественного текста. Следует иметь в виду, что оформление ОПОЯЗа датируется 1916 годом, т.е. именно периодом написания данной рецензии. Можно предположить, что поскольку двоюродный брат Л.С. Выготского – Давид Выгодский участвовал в деятельности Общества, то через него Л.С. Выготский еще в дореволюционный период был знаком с рядом основных идей этого нового направления в филологии. В частности, и с идеей художественного задания, как способа определения жанрового своеобразия художественного произведения (Шкловский, 1983). Поэтому появление в рецензии данного термина – задание, на наш взгляд, не случайно.

Отметим, что позднее, в критике формалистов сам термин задание подвергался специальному уточнению. Так, в частности, М.М. Бахтин использовал его для проблематизации позиции художника по отношению к материалу: «По отношению к материалу задание художника, обусловленное основным художественным заданием, можно выразить как преодоление материала» (Бахтин, 1986, С. 177). Несколько иначе продумывал эту проблематику Выготский в своей работе «Психология искусства», предлагая в качестве одной из линий психологического анализа художественного произведения рассмотрение вопроса о преодолении материала формой (Выготский, 1987).

15. ... зыбко, неустойчиво, расплывчато, размывается туманом, колеблется, двоится, возникает и сейчас же вновь улетучивается – здесь Выготский неявно воспроизводит языковые особенности романа, причем, он затрагивает принципиальные моменты, определяющие своеобразие его поэтики, в частности, музыкально-ритмические характеристики авторской речи. Более развернуто художественные особенности «Петербурга» даны в рецензии Н. Бердяева: «У А. Белого есть лишь ему принадлежащие ощущение космического расплывания и распыления, декристаллизация всех вещей мира, нарушение и использование всех твердо установившихся границ между предметами. Сами образы людей у него декристаллизуются и распыляются, теряются твердые грани, отделяющие одного человека от другого, и от предметов окружающего мира. Твердость, органичность, кристаллизованность нашего плотского мира рушится. Один человек переходит в другого человека, один предмет переходит в другой предмет, физический план – в астральный план, мозговой процесс – в бытийственный процесс, происходит смешение и смешение разных плоскостей ... все переходит во все. Все перемешивается и проваливается. Отменяется черта оседлости бытия ... у него всегда кружение слов и созвучий. И в этом вихре словосочетаний расплывется бытие, сметаются все грани ... Творчество А. Белого и есть кубизм в художественной прозе. По силе равный живописному кубизму Пикассо. И у А. Белого срываются цельные покровы мировой плоти, и для него нет уже цельных органических образов, кубистический метод расплывания всякого органического бытия применяет он к литературе» (Бердяев, 2004, С. 413–414). В рецензии у Вяч. Иванова, вышедшей за полтора месяца до Бердяевской статьи (в мае 1916), читаем: «Петербург – это красочный морок, «в котором красивое и отвратительное сплетаются и взаимно отражают

и восполняют одно другое до *антиномического* (выделено нами – В.С., Т.К.) слияния воедино ...» (Вяч. Иванов, 2004, С. 401). К антиномичности текста «Петербурга» мы еще вернемся (см. комментарий. № 32).

Следует также специально обратить внимание на отмеченную Выготским особенность «двоения образов в романе «Петербург». Само «двоение» – есть особенность символа, который обладает тайным смыслом, не адекватным внешнему слову (Иванов, 1916, С. 62). При этом, всякое явление оказывается двузначным, совместимым с несовместимым, правда в неправде (Вл. Ходасевич). Эти моменты представляются крайне важными для понимания художественных особенностей романа. Подчеркнем, что «двоение», антиномичность проявляются на разных уровнях: языковом, характеристик персонажей, их действий и оценок, организации сюжета, идеологическом. Отметим лишь некоторые моменты:

- Характеристики героев «Петербурга»: «ужасный шут» – «жалкий шут».
- Переключки образов «красное домино» в «Петербурге» – «шинель» у Гоголя.
- Расколотость личности на «Я» и «не-Я» (ср. у Вяч. Иванова «Fia, ergo non sum» (становлюсь, значит не есть). Иными словами, «Я» – неуловимо, поскольку в процессе.
- Удвоение имени Аполлон Аполлонович, по аналогии с Акакием Акакиевичем. Если Акакый, по святцам – «униженный», то Акакый Акакиевич – дважды униженный; Аполлон Аполлонович – дважды значительное лицо.
- Обратимость имени, как признак сатанизма: Шишнарфнэ – Энфраншиш (черт обратим).
- Зеркальность во взаимоотношениях персонажей. Например, отца и сына Абреуховых: «Сенатор пришел к выводу, что сын его негодяй», «Николай Аполлонович пришел к заключению, родитель его Аполлон Аполлонович – негодяй».
- Двойной агент Липпанченко – отсюда подстрекательство, провокация, как второй план действия романа, действия с двойным смыслом. Здесь же и физический образ Липпанченко, напоминающий носорога и семейный герб Абреуховых: единорог, борющийся с рыцарем.
- Пространство города: описание Михайловского замка, где «с погустительства» Александра I был убит Павел I, как переключки с темой отцеубийства в романе «Петербург».

Подобные примеры двоения можно множить и множить.

16. ... не русские по происхождению герои – отец и сын Абреуховы (его предки: Сим, мирза Аб-Лай, из киргиз-кайсацкой орды) – так вкрапляется черточка монгольского лица в образы, главнейшие в романе – данный фрагмент не столь однозначен по своим оценкам, как это представлено в рецензии. Для его интерпретации стоит обратить внимание на ряд стилистических моментов, которые, на наш взгляд, имеют значение для понимания обостренной реакции Выготского на общую антисемитскую направленность интонации авторской речи в романе.

Поясним это, обратившись к более детальному анализу абзаца, с которого и начинается первая глава. Вот первая фраза: «Аполлон Аполлонович Абреухов был весьма почтенного рода: он имел своим предком Адама». Не трудно заметить, что здесь мы сталкиваемся с явным пародированием самой фигуры рассказчика, его претензии на историчность повествования. Однако, за многозначительным утверждением, что предком главного героя является Адам, проглядывает явная усмешка – да у кого же из нас Адам не является предком? За этим следует вторая фраза: «И это не главное: несравненно важнее здесь то, что благородно рожденный предок был

Сим, то есть сам прародитель семитских, хесситских и краснокожих народностей». Безусловно, это важный и, пожалуй, ключевой момент в истории рода главного персонажа, поскольку его предок Сим является одним из сыновей Ноя, который был взят своим отцом в ковчег, и таким образом пережил потоп, став прародителем семитских народов. С его внука Авраама собственно и начинается уже хорошо известная история евреев. Безусловно, за этой претензией на историчность рода героя романа скрывается усмешка автора-рассказчика. Дальнейшее повествование, вплоть до трансформации фамилии: Аб-лай; Андрей, по прозвищу Ухов; Аб-Лай-Ухов и, наконец, Абреухов (что ассоциируется просто с «оплеухой») лишь усиливает комизм представлений о родословной героя. Поэтому без учета особых приемов пародирования, карнавализации обсуждение романа представляется не адекватным. На самом же деле, снисходительно-саркастическое отношение Белого к происхождению этого всемирного племени, пародирование стремления евреев гордиться историей своих предков может восприниматься с позиции национального меньшинства как откровенный антисемитский выпад, продолжающий традиции русской литературы, что специально отмечал В. Жаботинский в своей статье «Русская ласка». Можно предположить, что рецензия на роман и была мотивирована подобным тоном рассказчика, желанием Выготского эмоционально ответить художественно-значимому автору.

Помимо родословной важно также и само имя героя, которое для российской традиции не характерно. Более того, удвоение имени Аполлон (Аполлон Аполлонович) усиливает аполлоническое начало, что предполагает возведение в квадрат таких качеств как упорядочивание, стремление к структурированию бытия, устойчивость. И, в то же время, происхождение героя из киргиз-кайсацкой орды, его восточные корни подчеркивают то, что в самой крови главных персонажей – и отца, и сына Абреуховых – бродит дионисийская стихия.

Заметим, что содержательно противоречие порядка и стихии, проявляется на разных смысловых уровнях: идеологическом, социальном и межличностном. Важно также иметь в виду те жизненные прототипы и литературные персонажи, с которыми портретно связан образ Аполлона Аполлоновича Абреухова.

Так, например, для первых читателей романа образ Абреухова явно ассоциировался с К.П. Победоносцевым (1827–1907), обер-прокурором Святейшего синода. Этот момент, кстати, отмечался и в цитируемой Выготским рецензии из «Русских записок». Заметим, что по отношению к другим конфессиям Победоносцев считал необходимым проводить жесткую политику подавления. В частности, он проявлял явно негативное отношение к иудаизму, причем «жид» воспринимался им, как синоним либерала и прогрессиста. Поэтому Победоносцев рассматривался либеральной интеллигенцией как символ реакции, воинствующего мракобесия и черносотенства: «Победоносцев над Россией / Простер совиные крыла» (А. Блок «Возмездие»). Для Выготского, безусловно, важной была тема государственного антисемитизма, которая ассоциируется с образом Абреухова-Победоносцева.

Добавим, что с сенатором Абреуховым связан в романе широкий круг политических тем, касающихся обсуждения вопросов о путях развития России, которые были очевидны для его первых читателей, но, как правило, неясны сегодня. Так, например, Абреухов неоднократно говорит о том, что он является последовательным сторонником В.К. Плеве (1846–1904). Плеве был министром внутренних дел, погиб в результате террористического акта, поводом для которого послужил еврейский погром (организатором убийства был Азеф). Он являлся сторонником жесткой политики в отношении оппозиционных движений, огра-

ничения деятельности земств. Ему принадлежит фраза: «Нам нужна маленькая победоносная война, чтобы удерживать Россию от революции». В романе Аблеуховы прототипом графа W, его прототипом является Председатель совета министров в царском правительстве С.Ю. Витте (1849–1915). Он проводил политику привлечения капиталов, был противником войны с Японией, готовил Манифест 17 октября 1905 года, который означал переход России к конституционной монархии. Плеве и Витте были реальными политическими соперниками, их противостояние и находит отражение в романе.

Таким образом, оппозиция Запад – Восток в тексте «Петербург» для его первых читателей отчетливо проявлялась на политическом уровне, обнаруживая целый ряд содержательных моментов в разногласиях между консерваторами и либералами. Из-за подобных ассоциаций роман и получал критические оценки, связанные с неадекватностью отражения в нем реальных идеологических конфликтов предреволюционной России накануне революции 1905 года. Эти политические проблемы (государственный антисемитизм, идеологические разногласия), безусловно, имели большое значение для Выготского при написании им рецензии на роман Белого «Петербург». Особенно отчетливо это обнаруживается при чтении завершающей ее части.

Помимо политического контекста, глубинное противоречие между порядком и стихией проявляется в романе и на уровне межличностных семейных отношений. В связи с этим, важно выделить особую сюжетную линию, которая связана с литературными ассоциациями образа Аполлона Аполлоновича Аблеухова с Алексеем Александровичем Карениным. Здесь, в первую очередь, имеют значение не столько детали внешнего портретного сходства (огромные уши, подчеркнутое стремление к соблюдению принятых в обществе норм и правил поведения), сколько сходство семейной ситуации – человека с высоким социальным положением и статусом бросает жена, открыто изменив ему. Заметим, что Аполлон Аполлонович, являясь влиятельным лицом (дважды влиятельным, что подчеркивается сходством имени и отчества), в домашнем кругу оказывается слаб, наивен, косноязычен. Однако здесь важна не столько двойственность проявления характера в разных ситуациях, сколько содержательное своеобразие собственно семейного конфликта в треугольнике: отец, мать, сын. Так, супружеские отношения (заданные оппозицией – насилие со стороны мужа / покорность со стороны жены) в отношениях сына и отца актуализируют вечный сюжет – стремление к отцеубийству. Между тем, в романе «Петербург» реализация традиционной для психоанализа проблематики Эдипова комплекса (желание сына обладать матерью, обусловленное его идентификацией с отцом) разворачивается совершенно парадоксальным образом. Здесь сын, напротив, стремится разотождествить себя с отцом, его раздражают черты сходства с ним. Совершенно по-особому разворачивается смысловая динамика его поведения – соотношения внутренних побуждений и нормативной регуляции.

Следует заметить, что своеобразие кровных, «семейных» отношений (мать–отец–любовник–сын) особенно интересовало Выготского. Так, незадолго до написания рецензии он детально прорабатывал психологические отношения между главными героями при анализе «Гамлета». Можно предположить, что и при анализе «Петербург» этот содержательный слой в романе был для него важен, но остался вне своего специального рассмотрения, поскольку не соответствовал основной теме рецензии. Подчеркнем, что тема отцеубийства, которая является основной для развития авантюрного сюжета в «Петербурге», задает еще одну важную линию (помимо антисемитизма) для сопоставления содержания романа с творчеством Достоевского, конкретно – с «Братьями Карамазовыми».

17. ... провокатором Липпанченко ... походил скорее на помесь семита с монголом – прототипом этого персонажа является российский революционер–провокаатор Азеф Евно Фишелевич (1869–1918), который был одним из руководителей партии эсеров и, одновременно, сотрудником полиции. Активно участвовал в организации нескольких террористических актов, параллельно выдал весь первый состав ЦК партии социал-революционеров.

К приведенным Выготским характеристикам добавим выписанные нами из текста романа черты и коннотации образа Липпанченко: грузный, волосатый, безобразный, толстяк с женоподобными круглыми формами, явно отмеченными на лохматой груди, с лаковым брюхом, косолапое чудовище, носорог с вывернутыми ногами, руки с короткими, будто бы обрубленными пальцами, заусенцами и коричневой краской (для волос) под ногтями. С немой шеей, жирной кожей и неприятным запахом (смесь парфюмерии с искусственным приставленным зубом), вызывающим физиологическое отвращение. Голова недоноска, широкое, плоское квадратное лицо, лобная кость с надбровными дугами. Лоб маленький, жалобен, в поперечных морщинах, казалось, плачет. Глубоко в орбитах сидящие глаза, обычно бегающие, пытливо сверлящие глазки. Харя, с беззубо раззявным ртом, отвисающей плаксивой губой, напоминающей губку.

Заметим, что здесь фиксируются не столько национальные черты, сколько черты недочеловека – животные, звериные. И в связи с этим, стоит еще раз обратить внимание на описание герба Аблеуховых (см. коммент. № 15): рыцарь в завитках рококо, пронизанный единорогом. Иными словами, сходство образа Липпанченко с носорогом, противопоставляется единорогу на родовом гербе, тем самым приобретая явное символическое значение – чистота противопоставляется тьме и звериному напору. При этом добавим, что сам герольдический образ в сопоставлении с портретом Липпанченко приобретает явно противоречивый характер в силу двойных инверсий.

В контексте комментируемой рецензии важно подчеркнуть, что подобные коннотации инородческого («смеси семита с монголом») могли вызывать явно негативные переживания у Выготского, связанные с его собственной национальной идентичностью.

18. ... Флейш – подтверждающая мысль Выготского о выраженном в романе негативном отношении к «инородческой России», стоит привести характерные черты в описании Зои Захаровны Флейш. Это большеголовая брюнетка с эмалированными щеками, со щек спадала пудра, ястребиный нос, вылезавшие из орбит выпуклые глаза, оскаленный рот, золотые пломбы и дурной запах. Характерно, что здесь негативное отношение к персонажу связано не только с описанием его внешности, но затрагивает и базовые физиологические защитные механизмы (неприятие на уровне обоняния).

Добавим, что в опубликованной рецензии в фамилии этого персонажа содержится явная опечатка: Флеш.

19. ... Нейнтельпфайн – в тексте опубликованной рецензии опечатки: «Найтельнайн» и «Найтельпфайн».

20. «С той чреватой поры, как примчался к невскому берегу мегаллический Всадник, ... надвое разделилась, страдая и плача, до последнего часа – Россия» – Выготский цитирует фрагмент из романа Андрея Белого «Петербург», глава «Бегство» (Белый, 2004).

21. «... предвестие великой судьбины Божией» – отсылка к стихотворению Владимира Соловьева «Панмонголизм» (1894):

Панмонголизм! Хоть имя дико,
Но мне ласкает слух оно,
Как бы предвестием великой
Судьбины Божией полно.

Обращение к стихотворению Вл. Соловьева связано с намерением Выготского показать, что корни антисемитизма Белого основаны на переживании опасности панмонголизма для судьбы России: «Как саранча, неисчислимы / И ненасытны, как она, / Нездешней силою хранимы, / Идут на север племена» (Соловьев, 2009).

Основой этого страха является чувство потери корней, нравственных оснований, веры: «Остыл Божественный алтарь».

22. ... в сцене митинга перекликаются два еврея – тема поведения евреев непосредственно в период революционных событий окажется весьма актуальной для самого Выготского. Так, два месяца спустя после написания данной рецензии, он публикует в журнале «Новый путь» собственный репортаж «На улицах Москвы», где описывается реакция еврейского населения Москвы на Февральскую революцию 1917 года (Выготский, 1917). В наших комментариях к этому репортажу мы специально обращали внимание на его связь со сценой митинга в романе Белого «Петербург» (Собкин, Климова, 2016).
23. «Какой-то весьма почтенный еврей ... Это еврей бундист-социалист перекликался с евреем не бундистом, но социалистом» – следует отметить, что цитируемая сцена была исключена Белым из более поздних редакций романа (1922, 1928). В данном фрагменте автор намеренно подвергает осмеянию различия между евреем-социалистом и евреем бундистом-социалистом, фиксируя их как незначительные, кажущиеся. Главное же для Белого это нелепость (вредность) участия евреев в стихии массовых политических волнений в России, поскольку им чужды истинные интересы русского народа. Однако для Выготского эти различия между политическими партиями имеют принципиальное значение. Как показал специально проведенный нами анализ публикаций Выготского в журнале «Новый путь» (Собкин, Климова, 2016), он хорошо знал и четко дифференцировал политические течения среди еврейского населения России (Бунд, РСДРП, СЕРП, Поалей-Цион и др.). Поскольку Выготский не воспринимал политические проблемы России как «чужие», то подобная позиция Белого являлась для него лично-неприемлемой.
24. Вот эта «наша Рхассия», Россия нерусская, инородческая, «жидовская» и воплощена в романе – следует обратить внимание на сложную идеологическую конструкцию, определяющую противостояние в романе семитско / монгольского с арийско / европейским. Так, по мнению М. Безродного в редакции романа 1916 года, на которую и написана рецензия Выготского, совмещены две оппозиции: семитское VS арийское и монгольское VS европейское. Подобное совмещение и создает образ семитско-монгольской опасности. В последующих же редакциях романа «Петербург» (1922, 1928 гг.) из-за проведенных Белым изъятий определенных текстовых фрагментов данная концепция «будет постепенно освобождаться от “семитского” компонента и редуцирована к “панмонголизму”» (Безродный, 1997, С. 117). Надо подчеркнуть, что Выготский был, пожалуй, одним из немногих, помимо автора цитируемой рецензии в «Русских записках», кто обратил внимание на антисемитский аспект в идеологии романа «Петербург». Впоследствии, насколько нам известно, за исключением указанной статьи М. Безродного, эта

тема как одна из важных идеологических линий романа практически нигде не обсуждалась.

25. ... представителя ... карикатурного – политически-бытового антисемитизма – на особенность карикатурного изображения еврея в русской литературе Выготский обращал специальное внимание в своей ранней, незавершенной работе «Евреи и еврейский вопрос в произведениях Ф.М. Достоевского» (на нее мы уже ссылались выше, см. коммент. № 4). В ней он пишет: «... типы евреев в русской литературе долгое время создавались по шаблону. А шаблон этот создавался в умах русского населения всех слоев и из жизни был перенесен в литературу, где и явился естественным отголоском традиционного представления о неведомом мире еврейства и бытового отношения к жиду» (Добкин, Выготский, Фейгенберг, 2000). Причем, шаблон этот сложился в средние века в западноевропейской литературе. Для подтверждения своей мысли Выготский ссылается на книгу А. Леруа-Белье «Евреи и антисемитизм» (1894): «... еврей приходилось переносить немало оскорблений. Почти всюду он на Масленице должен был разыгрывать роль шута для забавы уличной черни. Еврей забавлял толпу; он служил для нее посмешищем. В лучшем случае он возбуждал у нее только смех... и он, действительно, превратился в своего рода Арлекина, исполняющего одну и ту же роль» (Добкин, Выготский, Фейгенберг, 2000, С. 77). Заметим, что это публичное осмеяние противоположно идеям карнавальской культуры М. Бахтина, когда низ – становится верхом, шут – королем. Хотя не стоит упрощать, в данном случае скорее проявляется защитная смеховая реакция, основу которой составляет противопоставление свое – чужое: осмеяние чуждого, незнакомого, пугающего. Эта возможность проявить свою силу, власть, побороть страх, ощутив свое превосходство над инородцами.
- Подчеркнем, что для Выготского карикатурность изображения еврея, только посредством указания на «горбатый нос» и обозначением термином «жидок», предельно упрощает отношение к нему, не позволяет дать собственно психологический портрет – «это задаленный писк карикатуры».
- Более того, на наш взгляд, подобное снисходительно-насмешливое отношение к евреям лично задевало Выготского (этого момента мы уже касались выше см. коммент. № 13, 23). В связи с этим стоит обратить внимание на работу З. Фрейда «Об остроумии и его отношении к бессознательному», которая вышла в 1905 году (Фрейд, 2015). В ней Фрейд писал о тенденциозных остротах как о реакциях, связанных с агрессией, стремлением к пренебрежению, презрению. В частности, одним из видов подобной агрессии является карикатурное изображение объекта. Именно неявно выраженной агрессивностью Белого по отношению к евреям и делает Выготский предметом своего анализа в рецензии, выстраивая свой ответ ему не на бытовом уровне, а переводя его в идеологическую плоскость.
- Вместе с тем, учитывая проведенный З. Фрейдом анализ психологических механизмов тенденциозной остроты как одной из форм агрессии, можно в контексте психоаналитических представлений интерпретировать антисемитские мотивы в романе «Петербург» в качестве действия защитных механизмов вытеснения и особой формы социальной невротизации.
26. ... украшены эпиграфами из Пушкина – Выготский один из тех немногих критиков романа «Петербург», кто обратил внимание на особую роль использования Белым эпиграфов к отдельным главам своего романа. Они взяты из разных произведений Пушкина, отличающихся по стилю и жанру: стихи, поэмы, драма, романы в стихах («Медный всадник», «Езерский» «Не дай

мне бог сойти с ума», «Евгений Онегин», «Пора мой друг, пора!», «Борис Годунов»). Заметим, что Белый нарушает основные функции использования эпиграфа: обозначение темы, идеи, обстоятельств сюжетного действия и пр. Порой складывается впечатление, что эпиграфы просто выбраны наугад или являются особым ребусом, который предполагает внимательное чтение самих текстов Пушкина, чтобы понять, на что намекает автор «Петербурга», в чем основная тема той или иной главы романа. Таким образом, эпиграфы у Белого, если к ним внимательно относиться, расчитаны на особую игру с читателем романа – его ожиданиями развития сюжета, эмоциональными доминантами, пространственно-временными культурными контекстами. Иными словами, это другая оптика – не наведение на резкость, а размывание грани, превращение во что-то «збыкое, неустойчивое, размытое туманом». То же самое происходит и с названиями глав: «Глава первая, в которой повествуется об одной достойной особе, ее умственных играх и эфемерности бытия» или «Глава вторая, в которой повествуется о некоем свидании, чреватом последствиями», или «Глава пятая, в которой повествуется о господине с бородавкой у носа и о сардиннице ужасного содержания». Как мы видим, стилистика названий глав пародирует жанр авантюрного романа. Подчеркнем, что авантурный сюжет мастерски выстроен Белым, но само содержание романа, повторимся, про другое: про мозговую игру. Выготский, безусловно, чувствует эту новизну романа Белого, и отдает ей дань: «... роман глубоко новый во всех отношениях» – пишет он в своей рецензии. Однако особенность авторской игры с включением традиционных форм в новую художественную структуру, часто с использованием приемов пародирования специально им не рассматривается, например, как это делал Ю.М. Лотман при анализе структуры романа Пушкина «Евгений Онегин» (Лотман, 1983). Напротив, в соответствии с основной темой своей рецензии, Выготский подчеркивает, что по отношению к описанию еврея, роман вторичен и банален. И именно это усиливает жесткость его ответа автору, который создал уникальное художественное произведение.

27. ... отзвук длинной вереницы евреев-предателей – Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевского, Тургенева, – и многих других – за перечислением этих авторов стоит неявная отсылка к статье Жаботинского «Русская ласка», где дается анализ проявлений антисемитизма в русской литературе. В частности, специально отмечается связь понятия еврей и шпион у Пушкина (заметка «О встрече с Кюхельбекером») и у Тургенева (рассказ «Жид»). Следует добавить, что тема еврей-предатель явно актуализировалась в России с началом Первой мировой войны. Из прифронтовых районов в период 1914–1916 годов были депортированы тысячи евреев. Мероприятия по их эвакуации, как правило, проводились стремительно, сопровождалась насилием, грабежами. Поэтому тема еврей-предатель в рецензии Выготского не случайна. Подобные враждебные настроения в массовом сознании не могли лично не задевать его. Причем, несправедливость обвинений была очевидной, поскольку в это же время в рядах русской армии воевали сотни тысяч евреев (подробнее см. Собкин, Климова, 1917).

28. ... как бы «лирический» антисемитизм – при обсуждении данного определения следует выделить, как минимум, два аспекта. Первый связан с тем, что термин «лирический» предполагает отнесение к сфере искусства. Поэтому словосочетание «лирический антисемитизм» можно рассматривать как продолжение затронутой Выготским выше темы об антисемитизме

в русской литературе. Однако мысль Выготского, на наш взгляд, глубже, она затрагивает характеристику особенностей сложного психологического переживания. Этот второй аспект надо уточнить. Поскольку «лирическое», если следовать словарным определениям, означает «живое чувство» (непосредственное, открытое эмоциональное отношение, такое душевное переживание, которое предполагает сочувствие), то тогда словосочетание «лирический антисемитизм» оказывается парадоксальным. Для снятия противоречивости его можно рассматривать как искреннее эмоционально-негативное отношение, когда эмоциональное имеет перевес над рассудочным.

Если исходить из подобного понимания, то данная формулировка Выготского – «лирический антисемитизм» представляется крайне интересной, поскольку предполагает иное переживание, нежели традиционное внешнее противопоставление еврейское – русское. Здесь еврейское обнаруживается внутри русского. Это особый синтез, который порождает своеобразное чувство собственной идентичности – «расколотое я». Чужое, как уточняет далее в своей рецензии Выготский (ссылаясь на описание Белым этого состояния), вошло в собственную плоть, и это присутствие чужого внутри мучительно, оно обнаруживает себя как симптом саморазрушения.

Заметим, что это принципиально иной тип эмоционального отношения, чем в работах Вл. Соловьева, у которого акцент делается, напротив, на позитивном переживании своего отношения к евреям – юдофилии. Подчеркнем еще раз, – своеобразие отношения к евреям в «Петербурге» Белого состоит в том, что здесь семитическое встраивается внутрь русского, это ведет к его перерождению и, в конечном счете, к саморазрушению. Это – характеристика особого феномена процесса интроекции, следствием которого является юдофобия. Причем, ситуация, повторимся, парадоксальна: чужое обнаруживается как мое-чужое, которое начинает довлеть, подчиняя себе мое-истинное. Заметим, что далее в своей рецензии Выготский вводит и другое понятие – «мистический антисемитизм». Оно, на наш взгляд, существенно отличается от «лирического антисемитизма». Этот момент мы специально обсудим ниже (см. коммент. № 30).

И, наконец, при интерпретации понятия «лирический антисемитизм» надо иметь в виду также и более позднюю работу Выготского «Психология искусства», где, в частности, был дан анализ своеобразия лирического переживания, в основе которого лежит противоречие между фабулой и сюжетом. В связи с этим, можно предположить, что «лирический антисемитизм» возникает, благодаря фиксации расхождений между нормативными моделями (фабула) и реальной практикой поведения евреев в конфликтных социальных ситуациях (сюжет). Иными словами, обнаруживается конфликт между должным возможным и наличным.

29. ... мимоходом останавливается автор с реалистически-психологической точностью выписателя ... которое испытывает герой, слыша разговор Флейш о России – имеется ввиду разговор Флейш с иностранцем, невольным свидетелем которого оказывается один из героев романа, террорист Дудкин. Переживание унижения национального чувства связано с демонстрацией Флейш перед иностранцем народного энтузиазма, который в ее передаче мотивирован желанием показать устремленность России к Западу («мы как вы; мы не дикари»). Вот этот фрагмент:

«– Да, да, да: мы переживаем события исторической важности... Вся бодрость и молодость... Будущий историк напишет... Не верите? Походите на митинги... послушайте пылки излияния чувств, поглядите: всюду – восторг».

Чтобы не быть свидетелем этого неприятного разговора, почему-то унизившего его национальное чувство, Александр Иванович подошел вплотную к окошку ...» (Бельи, 2004, С. 44).

Заметим, что в выражении этой гордости Флейш за «свое» лежит неестественная театральность, опереточность. Это и раздражает Александра Ивановича Дудкина.

Важно отметить, что Выготский, обратив внимание на этот проходной, незначительный момент в романе, придает ему особое значение, чутко уловив своеобразие эмоционального переживания, которое связано с оскорблением национального чувства представителя национального большинства, уязвленность, когда Россией гордятся иноверец – еврей. В этом для русского и заключается неестественность, лживость («моим» гордится чужой, искажая при этом меня). Фиксация своеобразия подобного переживания является примером, характеризующим Выготского как тонкого читателя-психолога. Выготский выделяет в тексте романа раздражающее, ранящее окарικатуривание, увидев этот феномен в переживании не еврея (что было распространено в литературе), а русского.

Добавим, что сам выбор Выготским этого примера весьма показателен, поскольку зеркально (на примере переживания не еврея, а русского человека) показывает ранящее воздействие карикатурного отображения инородцем своих национальных особенностей.

30. ... *умонастроение «мистического антисемитизма»* – заметим, что Выготский вводит новый термин для обозначения особого типа неприятия еврейства, который основан на связи со сверхъестественной реальностью (наряду с этническим, государственным, религиозным, бытовым антисемитизмом). Природа этого антисемитизма иррациональна. В основе подобного чувства лежит представление о том, что Бог наказывает евреев антисемитизмом через рассеяние: «Рассеет тебя Бог по всем народам, от края Земли до края Земли» (Дварим, 28–64). Если «лирический антисемитизм» (см. коммент. № 28) связан с особыми чувственными переживаниями (юдофобия), то в основе мистического лежит религиозное служение, сакральная практика, имеющая своей целью духовное развитие человека через переживание непосредственного единства с Богом (Откровение).

Подчеркнем, что «мистический антисемитизм», если следовать идеям Вяч. Иванова, строится не на расщепленной необходимости, а на свободном внутреннем самоутверждении своего Я, на неприятии договорных отношений с Богом, как у евреев, на замене закона (договор с Богом) любовью и доверием (Вяч. Иванов. Идея неприятия мира). В основе этого особая энергетика, определяющая движение от реального (натурального, естественного для человека) к сверхъестественному (предельным ценностям). Ключевой момент еврейской традиции связан с отношением к Богу: еврей не может принять умирающего, униженного, страдающего Бога. Христианин, напротив. Таким образом, отношения построенные на заключении договора, характерные для иудаизма, оказываются неприемлемы для христианства, где отношения со Всевышним строятся на основе Жертвенной Любви. Следует подчеркнуть, что, обращая внимание на своеобразие умонастроения «мистического антисемитизма», Выготский, в первую очередь, имеет ввиду философско-религиозные работы символистов и близких к ним мыслителей.

31. ... *круги «кающихся интеллигентов»* – имеется ввиду сборник статей «Вехи» (1909), авторами которого выступили Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Н.Б. Струве, А.С. Изгоев, С.П. Франк, Б.А. Кистяковский и М.О. Гершензон. Термин «кающиеся интеллигенты» ис-

пользовался в первой критической статье на «Вехи» А.М. Хирьякова «Близкие тени», опубликованной в газете «Правда жизни» 23 марта 1909 (буквально через неделю после выхода в свет «Вех»): «Внимание Л.Н. Толстого привлекла статья г. Булгакова «Героиизм и подвижничество». У Л.Н. Толстого есть свое слово по этому поводу, которое он хочет высказать. Глубина и оригинальность его мысли, конечно, дадут ему возможность лучше оценить психологию героизма и подвижничества, чем это сделала компания беспрерывно во всем *кающихся интеллигентов*» (выделено нами – В.С., Т.К.). Негативных оценок на сборник было множество. Так, М. Горький отмечал: «Давно уже не было в нашей литературе книги столь фарисейской и подбострастной, и сознательно невежественной». Он же пишет: «... мерзейшая книжица за всю историю русской литературы». Оценка Горького в данном случае представляется крайне важной, поскольку с его журналом «Летопись» Выготский сотрудничал в период написания своей рецензии на «Петербург» (чуть позднее ее сокращенный вариант также был опубликован и в журнале «Летопись»).

Помимо этого, следует специально отметить и резко негативные оценки со стороны левых на помещенную в сборнике статью Гершензона «Творческое самосознание», где высказывалась критика по поводу разрыва интеллигенции с народом: «... народ не чувствует в нас человеческой души, и потому он ненавидит нас страстно, вероятно с бессознательным мистическим ужасом ... нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом – бояться его мы должны пуще всех козней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще отражает нас от ярости народной» (Хевеши, URL: <https://fil.wikireading.ru/9838>). Это дало основание Ленину охарактеризовать сборник как «энциклопедию либерального ренегатства» (газета «Новый день», 13 декабря 1909). И, наконец, для понимания общего контекста важно иметь в виду, что сборник «Вехи» был поддержан архиепископом Антонием. Подобная неожиданная похвала стоила авторам сборника дорого, поскольку левыми кругами Антоний оценивался как один из идеологов черносотенства.

Между тем, в идеологическом и мировоззренческом отношении оценка сборника была не однозначна, поскольку в нем затрагивались фундаментальные философские, социально-экономические и политические вопросы. Одна из его объединяющих идей связана с негативной оценкой революции 1905–1907 гг., отказом от марксистской идеи социальной революции, как необходимым условием социального развития. По мнению авторов, после Манифеста 1917 года вопрос о политической революции в России должен быть снят, и она должна двигаться по эволюционному реформистскому пути развития, поскольку революция ведет к общественной деструкции (Бердяев). Пафос революции – не творчество и созидание, а ненависть и разрушение, революция развила огромную разрушительную энергию, но ее созидательные силы оказались намного слабее разрушительных (Булгаков).

Авторы «Вех» подчеркивали, что основным виновником развития революционных событий в России 1905–1907 годов оказалась русская интеллигенция («нерв и мозг гигантского тела революции»). При этом в числе негативных характеристик русской революционно-демократической интеллигенции указывались философские основания (материализм, позитивизм, неокантианство, нищенство), вульгарный социализм (утилитарное представление о социальном развитии, «уравнительная справедливость», «общественное благо»), противогосударственность, безрелигиозность, космополитизм, пренебрежение к инакомыслию, нигилизм. Интеллигенции противопоставлялся образованный класс российского общества, ориентированный в своем мировоззрении на религиозно-мистические

течения в русской философии, для которого основной ценностью выступает духовное творчество. Поэтому авторы сборника и попытались расставить те «вехи», которые ограждают путь, где «интеллигенция совершит свое духовное перерождение» (Петрункевич, 1998). Не случайно, после победы Октябрьской революции в 1922 году практически все авторы сборника «Вех» были высланы из Советской России. Их философия и взгляды оказались ненужными России, которая определяла свой путь иными «вехами».

В связи с этим, отсылка Выготского к сборнику «Вехи», на наш взгляд, представляется крайне важной, поскольку свидетельствует о его стремлении дать оценку роману Белого «Петербург» как значимого художественного произведения именно в контексте общего идеологического кризиса в России. Добавим, что, судя по работам Выготского, опубликованным в журнале «Новый путь», его собственный кризис, связанный с личностным и национально-культурным самоопределением, был во многом обусловлен общественной ситуацией в России.

32 ... и в роковом узле, которым трагически связаны судьбы России и еврейства, почувствовалась глубокая антиномичность – в опубликованном тексте рецензии явная опечатка: «антиКомичность» (опечатка сохранилась и в последующих переизданиях). Выготский имеет ввиду именно внутреннее напряженное единство – противостояние двух противоречащих друг другу, но одинаково обоснованных позиций относительно России и еврейства – антиномичность. Причем, ситуация парадоксальна, поскольку истинность или ложность каждой из позиций нельзя обосновать логически, их разрешение требует экзистенциального выбора, т.е. поступка.

Заметим, что использование Выготским термина антиномичность неявно отсылает к статье Вяч. Иванова «Вдохновение ужаса», которая посвящена роману Белого «Петербург» (см. коммент. № 11). Для подтверждения воспользуемся цитатой: «Я чувствую несоответствие романа законам чистой художественности и не могу в собственном и тесном смысле определить его эстетическую ценность, – ибо, по существу, вне категорий эстетических воспринимается этот красочный морок, в котором красивое и отвратительное сплетаются и взаимно отражают и восполняют одно другое до антиномического (выделено нами – В.С., Т.К.) слияния воедино, – но я твердо знаю, что передо мной произведение необычайное и, в своем роде единственное» (Иванов, 2004, С. 401). Эту оценку Ивановым романа «Петербург» – сплетение, взаимоотражение, восполнение до антиномического слияния воедино – Выготский переносит на проблематику межнациональных взаимоотношений. Заметим, что подобный перенос общих структурных особенностей романа, выделенных Ивановым, вполне оправдан, поскольку тема инородцев в романе (антисемитизм) является для рецензии Выготского основной. Вместе с тем, отметим, что подобный перенос выступает как своеобразный прием художественного обобщения, произведение искусства оказывается моделью социальной реальности. Иными словами, здесь мы сталкиваемся с другой логикой – восхождения не от абстрактного к конкретному, а от художественного целого к социальной действительности.

33. Вл. Соловьев видел особый, мистический смысл в этом узле истории – отсылка к Вл. Соловьеву, на наш взгляд, крайне важна для понимания композиционных особенностей построения текста рецензии. Таким образом, Выготский возвращается к самому началу своей статьи, вновь проблематизируя противостояние позиций Соловьева и Достоевского по

еврейскому вопросу (см. коммент. № 5). Подчеркнем, что для Соловьева была характерна позиция, предполагающая возможное воссоединение еврейства и христианства. Для Достоевского противоречия не разрешимы ни на идеологическом, ни на социально-политическом, ни на религиозном уровнях.

34. Воскресает все более и более идейное наследие Достоевского – как мы отмечали выше антисемитизм Достоевского был личностно значим для Выготского (подробнее см. коммент. 4).

35. Н. Бердяев провозгласил принцип религиозно-антисемитизма – Выготский ссылается на статью Н. Бердяева «Национализм и антисемитизм перед судом христианского сознания» (1912). Следует отметить, что различие четырех типов антисемитизма (бытовой, политический, расовый и религиозный) является для Бердяева важной отправной точкой и в его двух более поздних статьях: «Еврейский вопрос как вопрос христианский» и «Христианство и антисемитизм. Религиозная судьба еврейства» (Бердяев, 1938). При этом центральным вопросом для него во всех этих работах является отношение христианства к иудаизму. Причем, Бердяев подчеркивал, что христианским сознанием никак нельзя оправдать бытовой антисемитизм: «в чувстве ненависти нужно каяться на исповеди». Поэтому бытовой и политический антисемитизм – это антихристианство, в основе которого лежит приспособление христианства к государству, к социальным интересам. Религиозный же антисемитизм входит в христианскую веру как ее составная часть: «христианский антииудаизм есть обратная сторона веры в богоизбранность еврейского народа», с его неприятием Христа. Для христианского сознания нет «эллина и иудея, есть лишь противоборствование верований, а не рас и национальностей» (Бердяев, URL: <https://ru.wikisource.org/wiki/>).

36. ... даже в «Изиде» – к сожалению, точно установить источник, на который ссылается Выготский, не удалось. Возможно, имеется ввиду организованная Е.П. Блаватской в Париже эзотерическая ложа «Изида», где дискутировался широкий круг вопросов, связанных с соотношением обыденного, религиозного, научного и магического сознания. Название общества связано с книгой Блаватской «Разоблаченная Изида» (Блаватская, 2017). Обсуждаемые в ней автором проблемы герметической философии находили отклик в среде приверженцев символизма и сторонников религиозно-теософского направления. Книги Е.П. Блаватской были настольным чтением Вс. Иванова, А. Белого, М. Волошина, В. Хлебникова, М. Чюрлениса и др.

37. ... Мережковский говорит о глубоких отталкиваниях, которые существуют между еврейством и христианством ... это значило бы вводить как бы духовную черту оседлости. Уничтожьте сперва политическую, говорит он, а уж потом установим духовную – Выготский ссылается на статью Д.С. Мережковского «Еврейский вопрос как русский» (1907). Расширим цитату: «Как, в самом деле, спорить с тем, кто не имеет голоса. Бесправие евреев – безмолвие христиан. Внешнее насилие над ними – внутреннее насилие над нами. Нам нельзя отделять христианства от иудейства, потому что это значит, как выразился один еврей, проводить «новую духовную черту оседлости». Уничтожьте сперва черту материальную, и тогда можно будет говорить о духовной (выделено нами – В.С., Т.К.). А пока это не сделано, правда христианства пред

лицом иудейства остается тщетною» (Мережковский, 1915, с. 137).

В цитируемой статье Мережковского затронут ряд важных моментов. Так, он считает, что вопрос о сохранении многонациональности России есть, в то же время, и вопрос о сохранении самой России. Иными словами, многонациональность – это необходимое условие ее существования. Но, вместе с тем, вне России невозможно, согласно Мережковскому, существование других национальностей, входящих в ее состав. Исходя из этого, формулируется жесткий тезис о том, что еврейского вопроса, в его обычной формулировке, вообще нет, а есть только русский вопрос. И это вопрос об отношении русских к евреям. В связи с этим, Мережковский, принимая позицию евреев, подчеркивает, что для них оказывается принципиально важным осуждение самими русскими проявлений антисемитизма. Следствием этого должно стать признание того, что – евреи такие же граждане как все. И, по мнению Мережковского, это – аксиома, основываясь на которой должно строиться решение русского вопроса.

Заметим, что в данном пункте и обнаруживается ключевая проблема самой формулировки «еврейского вопроса как русского», которую Мережковский задает через оппозицию юдофилия – юдофобия. При этом характерно, что обычно позитивное утверждение еврейской национальности (юдофилия) ставит под сомнение признание «истинной русскости» самих юдофилов со стороны юдофобов, которые, считая себя «истинно русскими», занимают охранительную позицию в отношении русской национальности.

Отвечая на подобную критику «нерусскости юдофилов» (а реально, на обвинения их в предательстве интересов русского народа – «продались жидам»), Мережковский проблематизирует, в свою очередь, саму постановку вопроса о том, что значит быть русским. Ответ для него однозначен и лежит в нравственно-этической плоскости: чтобы быть русским, надо быть человеком, чтобы иметь право быть русским, надо перестать угнетать другие национальности – «иметь лицо человеческое, а не звериное», т.е. перестать быть юдофобом.

В то же время, Мережковский подчеркивает, что между иудаизмом и христианством есть не только глубокие притяжения, но и отталкивания. Однако этот религиозный спор сегодня (поскольку необходимо учитывать реалии военной ситуации), по его мнению, должен отойти на второй план и быть переформулирован в связи с определением идеологии войны, которую ведет Россия. Так, с одной стороны, декларируется, что это «освободительная война», а с другой – освобождая дальних (народы Европы), Россия, в то же время, угнетает свои национальные меньшинства. И здесь, по мнению Мережковского, большая ложь – «мы любим только издали», во всем реально не за свободу, а за власть над миром. Но угнетенным народам свободу может дать только свободный русский народ. И в этом ключевая проблема решения межнационального вопроса.

Заметим, что для понимания внутреннего смысла рецензии Выготского крайне необходимо учитывать этот реальный общеполитический контекст того времени, когда был опубликован роман Белого «Петербург».

38. ... «жидовскую идею», которая движет и влечет нечто такое мировое и глубокое, о чем человечество еще, может быть, не в силах произнести свое последнее слово» – фраза из «Дневника писателя Ф.М. Достоевского» (мартовский выпуск за 1877 год, глава вторая, раздел III: «Status in statu. Сорок веков бытия»). В этом разделе своего дневника Достоевский обсуждает положение евреев в России,

рассматривая их именно как обособленную, живущую по своим особым законам, национальную группу (Status in statu – государство в государстве). Характерными признаками ее, по мнению Достоевского, являются отчужденность от других групп, представление о собственной исключительности, что связано не только с прагматическими моментами выживания и самосохранения. За этим стоят именно религиозные мотивы: «нечто такое мировое и глубокое, о чем человечество еще, может быть, не в силах произнести свое последнее слово». Особая религиозность евреев (а «еврея без Бога представить нельзя») связана с ожиданием Мессии, который соберет их в Израиле.

Именно своеобразие иудаизма и определяет характерную социальную организованность евреев, их внутреннюю групповую замкнутость. Поэтому, по мнению Достоевского, они и не привязывают себя к той земле, на которой живут, у них нет отечества. Практика их жизни связана с накоплением капитала, безжалостным угнетением других народов. Еврей торгует, его капитал – чужой труд. В этом отношении уравнение евреев в правах с коренным населением даст им особые преимущества. Более того, Достоевский отмечает, что в современном мире деформируются собственно христианские ценности (человеколюбие, правда) и начинают доминировать материалистические идеи, усиливающие позиции евреев в мире.

39. ... *sub specie aeternitatis* – крылатое латинское выражение, которое означает: «с точки зрения вечности», «под формой вечности». Это положение является крайне важным в философской системе Бенедикта Спинозы (1632–1677). Оно описывает универсальную и вечную истину, вне зависимости от текущей действительности. По мнению Спинозы, мы представляем вещи как действительные (актуальные) двумя способами: «или представляя их существование с отношением к известному времени и месту, или представляя их содержащимися в Боге, и вытекающими из Божественной природы. Вещи, которые мы представляем истинными или реальными по этому второму способу, мы представляем под формой вечности, и их идеи обнимают вечную и бесконечную сущность Бога» (Спиноза, URL: <http://vzms.org/spinoza.htm>).

Важно иметь в виду, что здесь мы сталкиваемся практически с одним из первых цитирований Спинозы в работах Выготского. Его интерес к творчеству этого философа общеизвестен как по биографическим описаниям (Добкин, 1996; Выгодская, Лифанова, 1996), так и по многочисленным ссылкам на труды Спинозы в психологических работах ученого. Специально проведенный нами анализ позволил выделить целый ряд содержательных сюжетов, где он обращается к текстам Спинозы: связь аффекта и интеллекта, проблема мышления и воли, иерархия и соотношение психических функций, проблема психофизического параллелизма, орудийность психики, проблема мотивации и потребностей, особенности влияния структуры психического поля на поведение и др. Добавим также, что в ряде своих работ Выготский либо берет высказывания Спинозы в качестве эпиграфа, либо завершает ими свои тексты в качестве своеобразной коды, фиксирующей основную мысль.

Следует подчеркнуть, что в своих собственно психологических работах Выготский ни разу не обращается к положению Спинозы *sub specie aeternitatis*. Между тем, на наш взгляд, данную формулировку крайне важно иметь в виду для понимания своеобразия культурно-исторического подхода Выготского к изучению ценностных установок и идеологических аспектов сознания.

При рассмотрении данной рецензии на роман Белого следует также обратить внимание на использование

Выготским этого положения Спинозы с целью противопоставления поведения евреев в конкретных исторических ситуациях («место и время») и в контексте исторической судьбы («Божественной природы») еврейского народа. Добавим, что ранее, в этом же контексте, как и в рецензии на «Петербург», фраза «*sub specie aeternitatis*» использовалась Выготским со ссылкой на Ю. Айхенвальда (Айхенвальд, 1908–1913) в его рукописной работе «Евреи и еврейский вопрос в произведениях Ф.М. Достоевского» (см. коммент. № 4). Уже в ней использование этой фразы позволило Выготскому обозначить ключевую оппозицию между духовным и здравым смыслом в решении еврейского вопроса.

Следует заметить, что это латинское выражение было также взято Бердяевым в качестве названия для сборника своих статей (Бердяев Н. *Sub specie aeternitatis*. – Санкт-Петербург, 1907). Применительно же к еврейскому вопросу Бердяев использовал идею его исторического рассмотрения («в пределах истории») в одной из последних своих работ («Христианство и антисемитизм. Религиозная судьба еврейства», 1938). В ней рассматривались три варианта его решения: ассимиляция, сионизм (создание собственного государства) и обращение еврейского народа в христианство. Причем, если первые два, с точки зрения Бердяева, логически неприемлемы, то третий возможен, но при этом возникает ряд принципиальных проблем: необходимость личного выбора при принятии христианства, представление об особой исторической судьбе еврейского народа, различие между идеями мессианства в иудаизме и христианстве (невозможность принятия Мессии распятого). Главным же препятствием, с точки зрения Бердяева, является нехристианство самих христиан. Реальные христиане должны «защищать правду, а не силу, ценность человеческого лица, достоинство человека, свободу человеческого духа ... между евреями и Христом стоят сами христиане» (Бердяев, URL: <https://ru.wikisource.org/wiki/>).

40. *Новый роман А. Белого дает художественное выражение (с уклоном от Достоевского к Гоголю) этому чувству, этому умонастроению; сквозь зыбкую ткань видимой действительности и нормального дневного сознания просвечивает иная действительность ... – тезис о сопоставлении художественного выражения*

(структурных характеристик текста) с особенностями чувствований и умонастроений представляется крайне важным в методологическом отношении. Впоследствии он будет конкретизирован Выготским в его «Психологии искусства» (1925).

Здесь же важно обратить внимание на фиксацию Выготским одной из принципиальных художественных особенностей «Петербурга» – его явную связь с широким кругом произведений русской литературы. Причем, провокация на возникновение у читателя подобных литературных ассоциаций входит в авторский замысел и реализуется на разных структурных уровнях организации текста романа: фабула, языковые особенности, личностные характеристики героев, идеология и др.

Важную роль при этом, как справедливо отмечает Выготский, играют произведения Достоевского и Гоголя. Так, темы политического убийства и покушения на убийство отца, составляющие фабульную основу романа, явно связаны с «Бесами» и «Братьями Карамазовыми» Достоевского. Внутренние диалоги, проблематизация права на убийство отсылают к «Преступлению и наказанию». По ходу чтения возникают ассоциации и с другими произведениями Достоевского: «Записки из подполья», «Подросток» и др. Многочисленны явные и неявные отсылки к Гоголю (Аполлон Аполлонович – Акакий Акакиевич, газетные заметки о красном домино и шинель у Гоголя, описание Невского проспекта и др.). Нереальность, фантастичность, мистический ореол, постоянные двоения, – также оттуда. Следует подчеркнуть, что этот внутренний конфликт между реальностью и нереальностью четко фиксирует Выготский как ключевую художественную характеристику романа, где основным предметом является провокация сознания, «рой себя мыслящих мыслей».

Вместе с тем, важно подчеркнуть, что собственно художественно-критический анализ «Петербурга» в этой рецензии лишь намечен. Несколько более развернуто художественно-критические оценки этого романа представлены в другой рецензии Выготского, которая была опубликована в журнале «Летопись» (Выготский, 1916). Здесь же основной акцент ставится на выявлении («высвечивании») и критическом анализе национальной проблематики, что задает определенный ракурс рассмотрения произведения в контексте социально-политических реалий того времени.

Литература

- Айхенвальд Ю.И. Достоевский // Силуэты русских писателей. – Москва, 1908–1913.
- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – Москва : Искусство, 1986. – 445 с.
- Безродный М.В. О «юдообязни» Андрея Белого // Новое литературное обозрение. – 1997. – № 28. – С. 100–125.
- Белый А. Петербург. – Санкт-Петербург : Наука, 2004. – 699 с.
- Белый А. Символизм // Символизм как миропонимание / сост., вступ. ст. и прим. Л.А. Сугай. – Москва : Республика, 1994. – С. 254–259.
- Белый А. Эмблематика смысла // Символизм как миропонимание / сост., вступ. ст. и прим. Л.А. Сугай. – Москва : Республика, 1994. – С. 24–89.
- Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. 1913–1932 гг. / публ., вступ. ст. и коммент. А.В. Лаврова и Дж. Мальмстада. – Санкт-Петербург : Atheneum ; Феникс, 1998. – 733 с.
- Белый А. Штемцелеванная культура. – Электронный ресурс. – Режим доступа: http://dugward.ru/library/beliy/beliy_shempelevannaya.html – (дата обращения 15.05.2019).
- Бердяев Н.А. *Sub specie aeternitatis*. – Санкт-Петербург, 1907. – 438 с.
- Бердяев Н.А. Христианство и антисемитизм. Религиозная судьба еврейства // Путь. – 1938. – № 56. – С. 3–18. – Электронный ресурс. – Режим доступа: [https://ru.wikisource.org/wiki/Христианство_и_антисемитизм_\(Бердяев\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Христианство_и_антисемитизм_(Бердяев)) – (дата обращения 15.05.2019).
- Бердяев Н.А. Астральный роман. Размышления по поводу романа Андрея Белого «Петербург» // Андрей Белый: pro et contra. Личность и творчество Андрея Белого в оценках и толкованиях современников / сост., вступ. ст., коммент. А.В. Лаврова. – Санкт-Петербург : Изд-во Рус. христиан. гуман. ин-та, 2004. – С. 411–418.
- Бердяев Н.А. Национализм и антисемитизм перед судом христианского сознания // Русская мысль. – 1912. – февраль. – С. 125–141.

- Библия. Книги Священного писания, Ветхого и Нового Завета (канонические). – Москва : Рос. библ. общ., 2012. – 1248 с.
- Блаватская Е.П. Разоблаченная Изида. – Москва : Эксмо, 2017. – 896 с.
- Блок А.А. Стихотворения и поэмы. – Москва : Правда, 1978. – 480 с.
- Булгаков С.Н. Расизм и христианство // Протоиерей Сергей Булгаков. Христианство и еврейский вопрос. – Paris : IMCA-PRESS, 1991. – С. 19–140.
- Выгодская Г.Л., Лифанова Т.М. Лев Семенович Выготский. Жизнь. Деятельность. Штрихи к портрету. – Москва : Смысл, 1996.
- Выготский Л.С. Литературные заметки. «Петербург». Роман Андрея Белого // Новый путь. – 1916. – № 47. – Стб. 27–32.
- Выготский Л.С. Литературные заметки. «Петербург». Роман Андрея Белого // Летопись. – 1916. – № 12. – Стб. 327–328.
- Выготский Л.С. Л.О. Гордон (К 25-летию со дня смерти) // Новый путь. – 1917. – № 30. – Стб. 29–32.
- Выготский Л.С. Траурные строки (День 9 ава) // Новый путь. – 1916. – № 27. – Стб. 28–30.
- Выготский Л.С. Рец. на книгу А. Белого «Петербург» // Новый путь. – 1916. – № 47. – Стб. 27–32.
- Выготский Л.С. Мысли и настроения // Новый путь. – 1916. – № 48–49. – Стб. 49–52.
- Выготский Л.С. Рец. на книгу А. Белого «Петербург» // Летопись. – 1916. – № 12. – Стб. 327–328.
- Выготский Л.С. Выкуп // Новый путь. – 1916. – № 39. – Стб. 37–40.
- Выготский Л.С. Avodim hoinu // Новый путь. – 1917. – № 11–12. – Стб. 8–10.
- Выготский Л.С. На улицах Москвы (впечатления) // Новый путь. – 1917. – № 9–10. – Стб. 19–23.
- Выготский Л.С. Гомель. Выборы в городскую думу // Новый путь. – 1917. – № 24–25. – Стб. 30–31.
- Выготский Л.С. Гомель. Конференция с[оциал].-д[емократов]. // Новый путь. – 1917. – № 29. – Стб. 31–32.
- Выготский Л.С. Провинциальные заметки. // Новый путь. – 1917. – № 29. – Стб. 29–31.
- Выготский Л.С. Педология подростка // Л.С. Выготский Собр. соч. в 6 тт. Т. 4. – Москва, 1984.
- Выготский Л.С. Психология искусства / под ред. М.Г. Ярошевского. – Москва : Педагогика, 1987. – 344 с.
- Выготский Л.С. Мышление и речь. – Москва : Лабиринт, 1999. – 352 с.
- Выготский Л.С. Драматургия и театр // Л.С. Выготский Полн. собр. соч. В 16 тт. Т. 1. / сост., ред., вступ. ст., комм., прим. В.С. Собкин. – Москва : Левь, 2015. – 752 с.
- Гершензон М.О. Интимно понять я русских не в состоянии : письмо М.О. Гершензона А.Г. Горнфильду // Вестник еврейского университета в Москве. – 1993. – № 4. – С. 229–231.
- Добкин С.Ф. Л.С. Выготский: начало пути. Воспоминания С.Ф. Добкина о Льве Выготском. Ранние статьи Л.С. Выготского. – Иерусалим : Иерусалимский издательский центр, 1996.
- Добкин С.Ф., Выготский Л.С., Фейгенберг И.М. От Гомеля до Москвы: начало творческого пути Льва Выготского. Из воспоминаний Семена Добкина. Ранние статьи Льва Выготского. – Lewiston, NY, 2000.
- Долгополов Л.К. Андрей Белый и его роман «Петербург». – Ленинград : Советский писатель, 1988. – 416 с.
- Достоевский Ф.М. Дневник писателя. Избранные главы. – Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2008. – 464 с.
- Долинин А.С. Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников. В 2 тт. Т. 2. – Москва : Художественная литература, 1964. – 520 с.
- Достоевский Федор Михайлович // Еврейская энциклопедия Брокгауза и Ефрона. – Санкт-Петербург, 1906–1913.
- Жаботинский В.Е. Русская ласка – Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://gazeta.rjews.net/Lib/Jab/Feuilletons.html#linktostr113> – (дата обращения 15.05.2019).
- Записные книжки Л.С. Выготского. Избранное / под общ. ред. Ю.Е. Завершневой и Р. ван дер Веера. – Москва : Канон +, 2017. – 608 с.
- Иванов Вяч. Борозды и межи. Опыты эстетические и критические. – Москва : Мусaget, 1916. – 352 с.
- Иванов Вяч. Вдохновение от ужаса (О романе Андрея Белого «Петербург») // Андрей Белый: pro et contra. Личность и творчество Андрея Белого в оценках и толкованиях современников / сост., вступ. ст., коммент. А. В. Лаврова. – Санкт-Петербург : Изд-во Рус. христиан. гуман. ин-та, 2004. – С. 401–410.
- Иванов В.И. Родное и вселенское / сост., вступит. ст. и прим. В.М. Толмачева. – Москва : Республика, 1994. – 428 с.
- Кацис Л. Андрей Белый о Блоке и Выготский об Андрее Белом. (Из комментариев «Психологии искусства» Льва Выготского). – Логос. – 1999. – № 11–12. – С. 64–86.
- Котик-Фридгуд Б. Зерна, которые прорастают: обзор ранних журналистских работ Л.С. Выготского (1916–1923) // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека. – 2011. – № 4. – С. 177–187.
- Левин К. Восприятие ландшафта / К. Левин Динамическая психология : избранные труды. – Москва : Смысл, 2001, С. 87–93.
- Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий : пособие для учителя. – Ленинград : Просвещение, 1983. – 416 с.
- Лотман Ю.М. Структура художественного текста. – Москва : Искусство, 1970. – 384 с.
- Мережковский Д.С. Еврейский вопрос как русский // Литературный сборник под редакцией Л. Андреева, М. Горького и Ф. Сологуба. – Москва : тов. тип. А.И. Мамонтова, 1915. – С. 136–138.
- Ницше Ф. Рождение трагедии или эллинство и пессимизм // Ф. Ницше Сочинения. В 2-х тт. Т. 1. – Москва : Мысль, 1996. – 829 с.
- Норвежский О. Андрей Белый без маски: первый погром в литературе // Раннее утро. – 1909. – 26 ноября.
- Петрункевич И.И. Интеллигенция и «Вехи» (вместо предисловия). – Санкт-Петербург : Изд-во РХГА, 1998. – 896 с.
- Рецензии // Русские записки : ежемесячный литературный, научный и политический журнал. – Петроград : Типогр. Акц. Общ. Слово. – 1916. –

№ 7. – С. 270–271.

Собкин В.С. К исследованию поэтики текстов Л. С. Выготского // Научное творчество Л.С. Выготского и современная психология: – Москва, 1981. – С. 143–145.

Собкин В.С. Л.С. Выготский: абрис социокультурного контекста // Л.С. Выготский Полное собрание сочинений. В 16 тт. Т. 1. Драматургия и театр. – Москва : Левъ, 2015. – С. 10–75.

Собкин В.С. Комментарии к театральным рецензиям Льва Выготского. – Москва : Ин-т социологии образования РАО, 2015. – 568 с.

Собкин В.С., Климова Т.А. Неизвестный Выготский: об опыте перевода с древнееврейского // Вопросы психологии. – 2016. – № 4. – С. 76–95. doi: 10.1080/10610405.2017.1289732

Собкин В.С., Климова Т.А. Комментарии к неизвестному репортажу Л. С. Выготского: впечатления о Февральской революции // Вопросы психологии. – 2016. – № 5. – С. 88–101.

Собкин В.С., Климова Т.А. Лев Выготский между двух революций: к вопросу о политическом самоопределении ученого // Национальный психологический журнал. – 2016. – № 3 (23). – С. 20–31. doi: 10.11621/npj.2016.0303

Собкин В.С., Климова Т.А. «Траурные строки»: к вопросу о национально-культурном самоопределении Л.С. Выготского // Культурно-историческая психология. – 2017. – № 2. – С. 4–12. doi: 10.17759/chp.2017130201

Собкин В.С., Климова Т.А. Лев Выготский о радости и скорби (комментарии к статье «Мысли и настроения») // Культурно-историческая психология. – 2017. – Т. 13. – № 3. – С. 71–82. doi: 10.17759/chp.2017130309

Собкин В.С., Климова Т.А. Лев Выготский: кто мы, откуда и куда? (к вопросу о национально-религиозной идентичности) // Культурно-историческая психология. – 2018. – Т. 14. – № 1. – С. 116–125. doi: 10.17759/chp.2018140113

Собкин В.С., Леонтьев Д.А. Психология искусства и психологическая методология в ранних работах Л.С. Выготского // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 1994. – № 4. – С. 35–44.

Соловьева И. Гибель сенатора // Экран и сцена. – 2015. – 25 января.

Соловьев В.С. Избранное. Поэзия. Проза. Письма. – Москва : ТЕРРА-Книжный клуб, 2009. – 384 с.

Соловьев В.С. Талмуд и новейшая полемическая литература о нем в Австрии и Германии. – Электронный ресурс. – Режим доступа: http://khazarzar.skeptik.net/books/jud/thal_sol.htm – (дата обращения 15.05.2019).

Спиноза Б. О могуществе разума или о человеческой свободе // Б. Спиноза. Этика. Теорема 29. – Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://vzms.org/spinoza.htm> – (дата обращения 15.05.2019).

Степун Ф. Памяти Андрея Белого // Встречи. – Мюнхен : Товарищество зарубежных писателей, 1962. – С. 162–175.

Успенский Б. А. Поэтика композиций. – Санкт-Петербург : Азбука, 2000. – 348 с.

Фрейд З. Об остроумии и его отношении к бессознательному. – Санкт-Петербург : Азбука, 2015. – 288 с.

Хевеши М.А. Первые попытки осмысления революции 1905 года. – Электронный ресурс. – Режим доступа: <https://fil.wikireading.ru/9838> – (дата обращения 15.05.2019).

Ходасевич В.Ф. Некрополь // В.Ф. Ходасевич. Собрание сочинений. В 4-х тт. Т. 4. – Москва : Согласие, 1997. – С. 60.

Ходасевич В.Ф. От Грибоедова до Анненского. – Москва : Юрайт, 2018. – С. 177.

Цветева М.И. О литературе и искусстве. – Москва : Юрайт, 2019. – 310 с.

Чуковский и Жаботинский. История отношений в текстах и комментариях / сост. Е. Иванова. – Электронный ресурс. – Режим доступа: https://royallib.com/read/ivanova_evgeniya/chig_chukovskiy_i_gabotinskiy.html#560174 – (дата обращения 15.05.2019).

Шкловский В. Б. Повести о прозе. Размышления. – Москва : Худ. литература, 1983. – 639 с.

Эткинд А.М. Еще о Л.С. Выготском. Забытые тексты и найденные контексты // Вопросы психологии. – 1993. – № 4. – С. 37–55.

Эткинд А.М. Содом и Психея: очерки интеллектуальной истории Серебряного века. – Москва : ИЦ-Гарант, 1996. – 413 с.

References:

- Ayhensvald Yu.I. (1908-1913). Dostoevsky. [*Siluety russkikh pisateley*], Moscow, Bakhtin M.M. (1986). Aesthetics of verbal creativity. Moscow, Iskusstvo, 445.
- Bezrodny M.V. (1997). On the «Convenience» of Andrei Bely. [*Novoe literaturnoe obozrenie*], 28, 100–125.
- Bely A. (2004). Petersburg. St. Petersburg, Nauka, 699.
- Bely A. (1994). Symbolism. Ed. L.A. Sugay. [*Simvolizm kak miroponimanie*]. Moscow, Respublika, 254–259.
- Bely A. Emblematics of meaning (1994). Ed. L.A. Sugay. [*Simvolizm kak miroponimanie*]. Moscow, Respublika, 24–89.
- Bely A. Stamped culture. Retrieved from: http://dugward.ru/library/beliy/beliy_shempelevannaya.html (accessed 05/15/2019).
- Berdyaev N.A. (1907). Sub specie aeternitatis. St. Petersburg, 438.
- Berdyaev N.A. Christianity and anti-Semitism. Religious fate of the Jews. Paris: Put', July 1938. Retrieved from: [https://ru.wikisource.org/wiki/Christianity_and_Anticemism_\(Berdyaev\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Christianity_and_Anticemism_(Berdyaev)) (accessed 05/15/2019).
- Berdyaev N.A. (2004). Astral Romance. Reflections on the novel “Peterburg” by Andrei Bely. In A.V. Lavrov [*Andrei Bely: pro et contra. Lichnost i tvorchestvo Andreyana Belogo v otsenakh i tolkovaniyakh sovremennikov*]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Russkogo khristianskogo gumanitarnogo iniversiteta, 411–418.
- Berdyaev N.A. (1912). Nationalism and anti-Semitism before the court of Christian consciousness In N. Berdyaev [*Russkaya Mysl'*], February, 125–141.
- The Bible. Books of Scripture, the Old and New Testaments (canonical). (2012). Moscow, Rossiyskaya bibleyskoe obschestvo, 1248.

- Blavatskaya E.P. (2017). Exposed Isis. Moscow, Eksmo, 896.
- Blok A.A. (1978). Poems and verses. Moscow, Pravda, 480.
- Bulgakov S.N. (1991). Racism and Christianity. [*Protoirey Sergiy Bulgakov. Khristianstvo i evreyskiy vopros*]. Paris, IMCA-PRESS, 19–140.
- Gershenson M.O. (1993). I cannot understand Russians intimately: Letter of M.O. Gershenson to A.G. Gornfield. [*Vestnik evreyskogo universiteta v Moskve*], 4, 229–231.
- Dobkin S.F. (1996). L.S. Vygotsky: the beginning of the way. Memoirs S.F. Dobkin about Lev Vygotsky. Early papers by L.S. Vygotsky. Jerusalem, Ierusalimskiy izdatelskiy tsentr.
- Dobkin S.F., Vygotsky L.S., & Feigenberg I.M. From Gomel to Moscow: the beginning of the creative journey of Lev Vygotsky. From the memoirs of Semen Dobkin. Early papers by Lev Vygotsky. Lewiston, NY, 2000.
- Dolgoplov L.K. (1988). Andrei Bely and his novel «Petersburg». Leningrad, Sovetskiy pisatel', 416.
- Dostoevsky F.M. (2008). Diary of a writer. Selected chapters. St. Petersburg: izdatel'skiy dom «Azбуka-Klassika», 464.
- Dolinin A.S. (1964). F.M. Dostoevsky in the memoirs of contemporaries. In 2 vols. Vol. 2. Moscow, Khudozhestvennaya literature, 520.
- Dostoevsky Fyodor Mikhailovich. [*Evreyskaya entsiklopediya Brokgaуza i Efrona*]. St. Petersburg, 1906–1913.
- Etkind A.M. (1993). More about L.S. Vygotsky. Forgotten texts and not found contexts. [*Voprosy psikhologii*], 4, 37–55.
- Etkind A.M. (1996). Sodom and Psyche: essays on the intellectual history of the Silver Age. Moscow, ITs-Garant, 413.
- Freud S. (2015). On wit and its relation to the unconscious. St. Petersburg, Azбуka, 288.
- Heveshi, M.A. The first attempts at understanding the revolution of 1905. Retrieved from: <https://fil.wikireading.ru/9838>.
- Ivanov Vyach. Furrows and intemi. Experiments aesthetic and critical, Moscow: Musaget, 1916, 352.
- Ivanov Vyacheslav (2004). Inspiration from horror (On Andrei Bely's novel Petersburg) In A.V. Lavrov [*Andrei Bely: pro et contra. Lichnost i tvorchestvo Andreyа Belogo v otsenakh i tolkovaniyakh sovremennikov*]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Russkogo khristianskogo gumanitarnogo iniversiteta, 401–410.
- Ivanov V.I. (1994). Native and universal. Moscow, Respublika, 428.
- Ivanova E. (Ed.) Chukovsky and Zhabotinsky. History of relations in the texts and comments Retrieved from: https://royallib.com/read/ivanova_evgeniya/chig_chukovskiy_i_gabotinskiy.html#560174 (accessed 05/15/2019).
- Katsis L. 1999 Andrei Bely about Blok and Vygotsky about Andrei Bely. [*Iz kommentariyev «Psikhologii iskusstva» L'va Vygotskogo*]. 11/12. Moscow, Logos, 64–86.
- Khodasevich V.F. (1997). Necropolis. [*Sobranie sochineniy v 4-kh tt.*]. Vol. 4. Moscow, Soglasie, 60.
- Khodasevich V.F. (2018). From Griboyedov to Annensky. Moscow, Yurayt, 177.
- Kotik-Fridgut B. (2011). Grains that germinate: a review of early journalistic works of L.S. Vygotsky (1916–1923). [*Psikhologicheskii zhurnal Mezhdunarodnogo universiteta prirody, obshchestva i cheloveka*], 4, 177–187.
- A.V. Lavrov and J. Malmstad (Eds.) 1998. Andrei Bely and Ivanov-Razumnik. Correspondence. 1913–1932s. St. Petersburg: Atheneum; Phoenix, 733.
- Levin K. (2001). Landscape Perception In K. Levin, Dinamicheskaya Psikhologiya: izbrannye Trudy. Moscow, Smysl, 87–93.
- Lotman Yu.M. (1983). Eugene Onegin. [Roman A.S. Pushkina «Evgeniy Onegin». Kommentariy: posobie dlya uchitelya]. Leningrad, prosveschenie, 416.
- Lotman Yu.M. (1970). The structure of the artistic text. Moscow, iskusstvo, 384.
- Merezhkovsky D.S. (1915). The Jewish question as a Russian one. [*Literaturnyy sbornik pod redaktsiey L. Andreeva. M. Gorkogo i F. Sologuba*]. Moscow, Tovarischestvo tipografii imeni A.I. Mamontova, 136–138.
- Nietzsche F. (1996). Birth of the tragedy or Hellenism and pessimism. In 2 vols. Vol. 1. Moscow, Mysl', 829.
- Norvezhskiy O. (1909). Andrei Bely without a mask: the first pogrom in literature. [*Ranee utro*]. November 26th.
- Petrunkovich I.I. (1998). The Intelligentsiya and «Milestones» (In lieu of a preface). St. Petersburg, Izdatel'stvo RKHGA, 896.
- (1916). Reviews. [*Russkie zapiski: ezheemesyachnyy literaturnyy, nauchnyy i politicheskii zhurnal*]. Petrograd, Tipografiya Aq Total Word. 7, 270–271.
- Sobkin V.S. (1981). On the study of the poetics of L.S. Vygotsky's texts. [*Nauchnoe tvorchestvo L.S. Vygotskogo i sovremennaya psikhologiya*]. Moscow, 143–145.
- Sobkin V.S. (2015). L.S. Vygotsky: the outline of a sociocultural context. [*Vygotskiy L.S. Polnoe sobranie sochineniy v 16 tt.*]. Vol. 1. Drama and theater. Moscow, Lev, 10–75.
- Sobkin V.S. (2015). Comments on the theater reviews of Lev Vygotsky. Moscow, Institut Sotsiologii i Obrazovaniya RAO, 568.
- Sobkin V.S., & Klimova T.A. (2016). Unknown Vygotsky: on the experience of translation from Hebrew. [*Voprosy psikhologii*], 4, 76–95. doi: 10.1080/10610405.2017.1289732
- Sobkin V.S., & Klimova T.A. (2016). Comments on the unknown report by L. S. Vygotsky: impressions of the February revolution. [*Voprosy psikhologii*], 5, 88–101.
- Sobkin V.S., & Klimova T.A. (2016). Lev Vygotsky between two revolutions: on the question of the political self-determination of the scientist. *National Psychological Journal*, 3 (23), 20–31. doi: 10.11621/npj.2016.0303
- Sobkin V.S., & Klimova T.A. (2017). “Mourning lines”: on the of national-cultural self-determination of L.S. Vygotsky. [*Kulturno-istoricheskaya psikhologiya*], 2, 4–12. doi: 10.17759/chp.2017130201
- Sobkin V.S., & Klimova T.A. (2017). Lev Vygotsky about joy and grief (comments on the article “Thoughts and Moods”). [*Kulturno-istoricheskaya psikhologiya*], 13(3), 71–82. doi: 10.17759/chp.2017130309
- Sobkin V.S., & Klimova, T.A. (2018). Lev Vygotsky: who are we, where are they from and where? (on the issue of national religious identity). [*Kulturno-istoricheskaya psikhologiya*], 14(1), 116–125. doi: 10.17759/chp.2018140113

- Sobkin V.S., & Leontyev D.A. (1994). Psychology of art and psychological methodology in the early works of L. S. Vygotsky. [*Vestnik Moskovskogo universiteta*]. Series 14. Psychology, 4, 35–44.
- Soloviev I. (2015). The death of the senator. [*Ekran i stsena*]. The 25th of January.
- Soloviev V.S. (2009). Selected works. Poetry. Prose. Letters. Moscow, TERRA-knizhnyy Klub, 384.
- Soloviev V.S. The Talmud and the latest polemical literature in Austria and Germany. Retrieved from: http://khazarzar.skeptik.net/books/jud/thal_sol.htm (accessed is 05/15/2019).
- Spinoza B. On the power of the mind or human freedom. In B. Spinoza [*Etika. Teorema 29*]. Retrieved from: <http://vzms.org/spinoza.htm> (accessed 05/15/2019).
- Stepun F. (1962). In memory of Andrei Bely. [Vstrechi]. Munich, Tovarishchestvo zarubezhnykh pisateley, 162-175.
- Shklovsky V. B. (1983). Tale of prose. Reflections. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 639.
- Tsvetaeva M.I. (2019). On literature and art. Moscow, Izdatel'stvo Yurayt, 310.
- Uspenskiy B. A. (2000). Poetics of compositions. St. Petersburg, Azbuka, 348.
- Vygotskaya G.L., & Lifanova T.M. (1996). Lev Semenovich Vygotsky. Life. Activity Strokes to the portrait. Moscow, Smysl.
- Vygotsky L.S. (1916). Literary notes. «Petersburg». Andrei Bely's novel. [*Novyy Put'*], 47, columns 27–32.
- Vygotsky L.S. (1916). Literary notes. «Petersburg». Andrei Bely's novel. [*Letopis'*], 12, columns 327–328.
- Vygotsky L.S. (1917). L.O. Gordon (To the 25th Death Anniversary. [*Novyy Put'*], 30, columns 29–32.
- Vygotsky L.S. (1916). Mourning lines (Tisha B'Av). [*Novyy Put'*], 27, columns 2830.
- Vygotsky L.S. (1916). A. Bely's "Petersburg" book review. [*Novyy Put'*], 47, columns 27–32.
- Vygotsky L.S. (1916). Thoughts and moods. [*Novyy Put'*], 48–49, columns 49–52.
- Vygotsky L.S. (1916). A. Bely's "Petersburg" book review. [*Letopis'*], 12, columns 327–328.
- Vygotsky L.S. (1916). Buyback. [*Novyy Put'*], 39, columns 37–40.
- Vygotsky L.S. (1917). Avodim hoinu [*Novyy Put'*], 11–12, columns 8–10.
- Vygotsky L.S. (1917). On the streets of Moscow (impressions). [*Novyy Put'*], 9–10, columns 19–23.
- Vygotsky L.S. (1917). Gomel. Elections to the City Duma. [*Novyy Put'*], 24–25, columns 30–31.
- Vygotsky L.S. (1917). Gomel. Conference of s[otsial] d [emocrats]. [*Novyy Put'*], 29, columns 31–32.
- Vygotsky L.S. (1917). Provincial notes. [*Novyy Put'*]. 29, columns 29-31.
- Vygotsky L.S. (1984). Adolescent pedology. [*L.S. Vygotsky Sobranie sochineniy v 6 tt.*]. Vol. 4. Moscow.
- Vygotsky L.S. (1987). Psychology of Art. Moscow, Pedagogika, 344.
- Vygotsky L.S. (1999). Thinking and speaking. Moscow, Labirint, 352.
- Vygotsky L.S. (2015). Drama and theater [*L.S. Vygotsky Sobranie sochineniy v 6 tt.*], Vol. 1. Moscow, Lev, 752.
- Zhabotinsky V.E. Russian weasel. Retrieved from: <http://gazeta.rjews.net/Lib/Jab/Feuilletons.html#linktostr113> (accessed 05/15/2019).
- Zavershenova Yu.E & R. van der Veer (Eds.). (2017). Notebooks L.S. Vygotsky. Selected works. Moscow, Kanon +, 608.